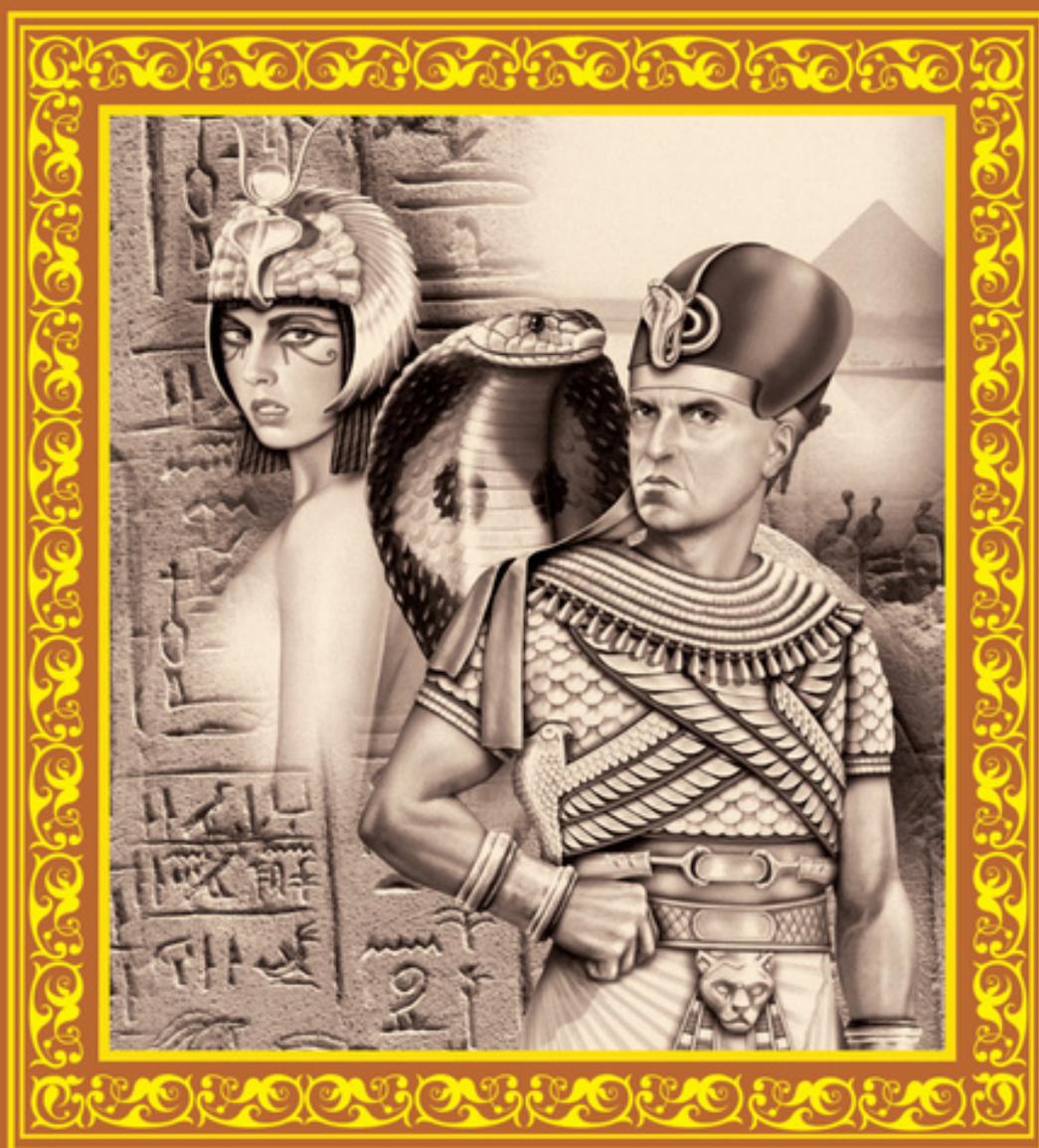

Ольга КРЮЧКОВА

КОВЧЕГ МОГУЩЕСТВА

Серия исторических романов

Ольга Крючкова
Ковчег Могущества

«ВЕЧЕ»

2016

Крючкова О. Е.

Ковчег Могущества / О. Е. Крючкова — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-4444-8508-8

Египет, XIV век до Рождества Христова. У смертного одра фараона Тутмоса IV его внук, сын Аменхотепа, Тутмос провозглашен эрпатором – наследником. Пока правит новый фараон, Аменхотеп III, юный Тутмос изучает мир, много путешествует и однажды открывает для себя в затерянном городе Базальтовый дворец богов. Это событие перевернуло жизнь эрпатора. Он проходит сложный обряд посвящения в храме Авариса, жрецы признают в Тутмосе живое воплощение бога Гора и передают ему древнюю реликвию – Ковчег Могущества. Но обладание Ковчегом не принесло Тутмосу желаемого счастья...

ISBN 978-5-4444-8508-8

© Крючкова О. Е., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

От автора	6
Герои романа	8
Часть 1. Наследник трона	12
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	31
Глава 5	39
Часть 2. Дыхание Апофиса	47
Глава 1	47
Глава 2	51
Глава 3	59
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Ольга Евгеньевна Крючкова

Ковчег могущества

© Крючкова О.Е., 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

От автора

Тема Древнего Египта всегда казалась мне сложной. Одних только богов основного пантеона историками насчитывается почти два десятка, а что уж тогда говорить о так называемых «местных» богах, число которых доходит аж до семисот?! Разве всех их упомнишь, разве возможно разобраться в их генеалогии и матримониальных отношениях?! И все-таки, когда у меня возникла идея написания «Ковчега Могущества», я приняла решение хотя бы попытаться это сделать.

Разумеется, пришлось изрядно потрудиться – проштудировать десятки томов исторической и научно-популярной литературы. И, к вящему своему удивлению, я обнаружила в них немало любопытных трактовок, весьма существенно разнящихся между собою.

В ходе работы я невольно задумалась: а кто они – боги Египта? Откуда вообще взялись? И почему нам известно о Долине Царей в Луксоре, о пирамидах в Гизе, сфинксах, древних столицах Мемфисе и Фивах, но при этом мы практически ничего не знаем о базальтовых плитах, словно специально заготовленных для какой-то цели, однако отчего-то «забытых» в Саккаре почти на пять тысячелетий?! (Кстати, способ обработки этих плит до сих пор вызывает у современных специалистов полное недоумение.) Так может, эти плиты предназначались для строительства Базальтового дворца кому-то из древних богов? Почему туристические маршруты современного Египта организованы таким образом, чтобы лишний раз не будоражить умы людей? Почему информация об уникальной древней цивилизации выдается нам дозированными порциями? Не потому ли, что официальные и правдивые объяснения могут оказаться слишком смелыми и затронуть вопросы современной религии? Ведь ни для кого не секрет, что многие артефакты, обнаруженные в Египте, до сих пор надежно укрыты от взоров публики, жаждущей познания.

Одним из таких артефактов (относящихся, согласно общепринятому мнению, к иудейской культуре и считающихся утерянными), является, в частности, библейский Ковчег Завета, или, как его еще называют, Ковчег Откровения. Правда, у сей реликвии имеется еще и другое название – Ковчег Могущества, и вот именно оно, на мой взгляд, соответствует данному артефакту более всего.

Если внимательно, с пристрастием изучить Книгу Исхода, повествующую об исходе евреев из Египта (примерно XIV век до н. э.), и проанализировать посвященные этой же теме современные труды, то поневоле возникнет множество вопросов, касающихся не только личности Моисея и его деяний, но и появления у него Ковчега Завета.

Так, если на миг забыть об общепринятой библейской версии, можно выделить три основных вопроса:

Кем на самом деле был Моисей?

Откуда у него появился Ковчег?

Какое отношение имеет Ковчег к древней истории Египта?

Продолжая свои исторические изыскания и изучив множество существующих на сегодняшний день разнообразных версий, я пришла к неожиданно смелым выводам. Однако хочу сразу предупредить: в целом мой роман не посвящен еврейской теме так таковой. Я также не ставила перед собой задачу анализировать всем известные библейские сказания, в том числе Пятикнижие. Мой роман – прежде всего художественное произведение, поэтому не стоит воспринимать описанное в нем как непреложную истину. Ведь, как известно, в художественной литературе, основывающейся на исторических фактах, не возбраняется добавление толики авторских домыслов.

Предвидя, что при скрупулезном и придирчивом чтении моего романа читатель может столкнуться с некоторыми историческими несоответствиями, сразу оговорюсь: они допу-

щены мною умышленно – для придания «Ковчегу Могущества» большей, если хотите, интриги. Разночтение же датировок обусловлено тем обстоятельством, что при написании романа я пользовалась одновременно абидосским и туринским списками правления фараонов, поэтому позволила себе вольность привести их к некоторому усреднению. Что же касается отдельных трактовок, могущих показаться читателю чрезмерно смелыми, отвечу коротко: увы, сделать из романиста историка невозможно.

Герои романа

Семья фараона:

Тутмос IV – правитель Египта, Нубии, Эритреи и Ливии

Аменхотеп III – преемник фараона Тутмоса IV

Тея – царица, жена Аменхотепа III

Тутмос – старший сын Аменхотепа III, эрпатор (наследник престола, князь)

Нитоприс – дочь первого советника, первая жена Тутмоса

Эхнотеп – младший сын Аменхотепа III, впоследствии – Аменхотеп IV (Эхнатон)

Нефертити – первая жена Эхнотепа, дочь жреца Эйе

Кийа – вторая жена Эхнотепа, дочь фараона Аменхотепа III от наложницы

Сановники, сегеры (знатные подданные фараона), их жены и дети:

Эйе – жрец храма Осириса, отец Нефертити; впоследствии – верховный жрец Инебу-Хеджа (в переводе означает «Белые стены»); позднее приобрел известность под именем Мемфис

Хану – верховный чати (визирь), доверенное лицо фараона

Ранеб – верховный жрец Инебу-Хеджа

Джер – командир дворцовой стражи

Нефрури – дочь Джера

Мемес – первый советник фараона

Таусер – жена первого советника

Камос – сын первого советника, наперсник Тутмоса

Сепати – жена Камоса

* * *

Хафра – жрец храма Ра в Ону

Хаба – старшая жрица храма Исиды в Инебу-Хедж, любовница Ранеба

Миритра – дочь жрицы Хабы

Анеджети – номарх (префект) Ону, отец Сепати

Семерхет – один из потомков Птаха, хранитель Ковчега Могущества и Золотого диска Ра

Фарбис – дочь Семерхета, жрица богини Уаджет (богиня-кобра, олицетворяющая божественную власть фараона)

Мут – жена Семерхета, жрица богини Уаджет

Нахмин – начальник военного гарнизона Элефантины

Мермос – наместник Нубии

Рафия – хозяйка увеселительного дома

Эннана – знахарка

Итмос – девушка из свиты Теи

Пент – придворный врачеватель

Асо – наложница Маджесута, царя Нубии; колдунья

Хапшет – дочь Асо и Маджесута, наложница Сета – царя Верхнего Египта

Панезий – номарх Уасета

Неферхеб – верховный жрец храма «Миллион лет» в Абидосе, один из потомков Шемсу-Гора (Железного воина бога Гора), хранитель жезла-уреи Ра

Биридия – правитель земель Пер-Атума
Интеми – жена Биридии
Мицраим – помощник, доверенное лицо Биридии
Сараим – знахарка
Аарон – глава рода Левиев
Элишев – жена Аарона
Надав – старший сын Аарона
Мириам – сестра Аарона
Хецион – муж Мириам

Служители искусства:

Паренефер – зодчий
Юти – скульптор
Сезофрис – художник

Боги (основной пантеон):

Ра – бог солнца¹, сын Атума – творца-демиурга и прародителя жизни
Шу и Тефнут – его дети: бог воздуха и богиня жизни
Геб и Нут – дети Шу и Тефнут, внуки бога Ра, соответственно: бог земли и богиня неба

Их потомки (дети Геба и Нут):

Осирис – бог загробного мира
Исида – сестра и жена Осириса, богиня плодородия
Сет – младший брат Осириса, бог пустыни и песчаных бурь, бог войны, олицетворение зла
Нефтида – жена Сета, покровительница домашнего очага
Анубис – сын Сета и Нефтиды, бог смерти, помощник Осириса

Полубоги (дети Ра от земной женщины):

Сехмет – богиня войны
Маат – богиня истины и порядка
Хатхор – богиня любви
Гор – бог света, первый фараон объединенного Египта². Предположительно правил в конце XXXIII века до н. э.

Советники бога Ра:

Тот – бог мудрости
Птах – покровитель Инебу-Хеджа, бог ремесел и живописи, зодчий

Дети Тота:

Сешат – дочь Тота и Маат, помощница Тота
Татенен – сын Тота и Маат; бог времени (обеспечивал долгие годы жизни фараону)

¹ В соответствии с египетской мифологией бог Ра породил своих детей Шу и Тефнут сам из себя. Но в одной из версий мифа Ра спустился на Землю на Золотом диске. Можно предположить, что дети прибыли вместе с ним. Потомки же: Геб и Нут, а затем и правнуки, скорее всего, были рождены уже на земле Египта. Сам бог Ра считался сыном Атума (творца-демиурга), чей культ был широко распространен в Древнем Египте.

² В данном случае автор умышленно придерживается альтернативной версии о происхождении Гора. Общепринятая же версия гласит, что Гор был сыном Осириса и Исиды. Причем Исида зачала ребенка уже от мертвого супруга.

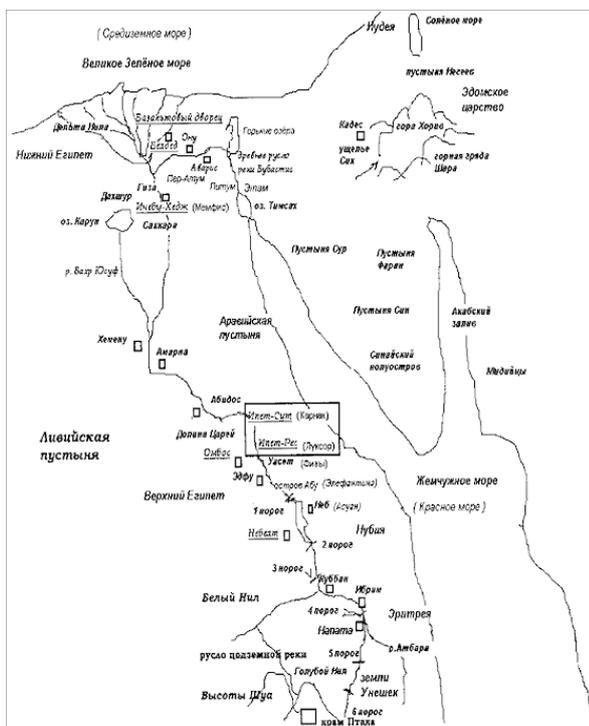
Унуат – сын Тота и земной женщины; бог-покровитель караванов, проводников, разведчиков

Дети Птаха:

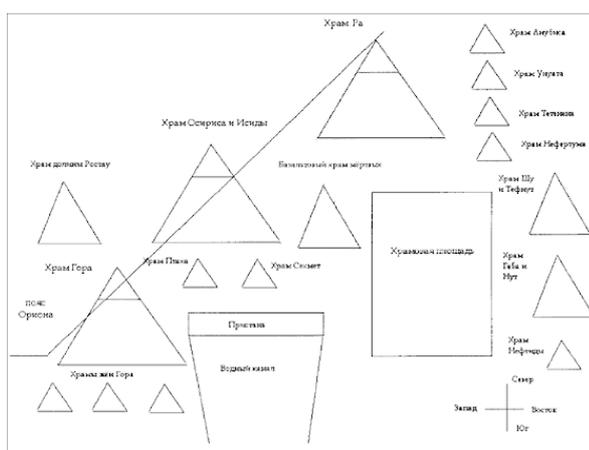
Нефертум – сын Птаха и Сехмет, бог растительности

Сатис – дочь Птаха и земной женщины, богиня прохладной войны

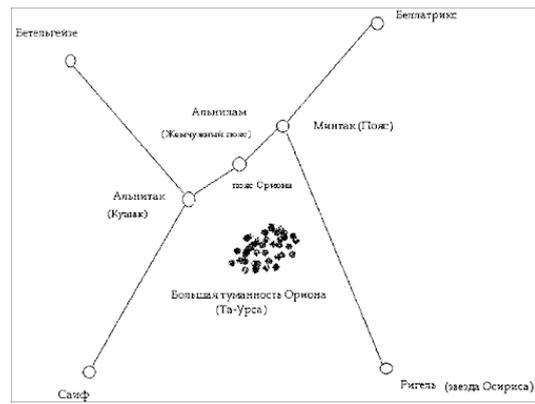
Баст – дочь Птаха и земной женщины, богиня веселья

Карта Древнего Египта (Та-Кемет) и прилегающих территорий в XXXV–XIV вв. до н. э.

Расположение храмов (обиталища богов) на плато Роставу (Гиза) в XXXV–XXX вв. до н. э.

Созвездие Орион (Царь звезд)

*Федотову Д.С. – в знак глубочайшего уважения и признательности, –
посвящаю*

Часть 1. Наследник трона

Глава 1

1391 год до н. э., Инебу-Хедж

Фараон Тутмос IV медленно умирал в своих покоях. Почти семь дней подряд врачеватель и жрец Ур-Хеку, обладатель священных сил, с помощью неустанных молитв и всевозможных чудодейственных снадобий пытался восстановить силы, неумолимо покидающие тело фараона, но несмотря на все его старания жизненная энергия Ка, доселе благоволившая к Тутмосу IV, стремительно иссякала...

Помощницы Ур-Хеку – жрицы из храма Исида – зажгли благовония и снова, в который раз, запричитали в унисон молитву:

– О, Исида, Исида, Исида! Трижды повторяем имя твое! О, Исида, мать жизни и плодородия! О, богиня, наполняющая нас жизненной силой! Да будет прославлено имя твое! О, Исида, смилуйся и вдохни Ка в нашего фараона!

Увы, Исида явно оставалась глуха к молитвам своих служительниц: фараон продолжал слабеть с каждой минутой.

Жрицы смолкли. Фараон открыл глаза.

– Исида мне уже не поможет. Надо молить Осириса, дабы он облегчил мой путь в загробный мир... – едва слышно произнес Тутмос IV.

Жрец встрепенулся:

– Не говори так, божественный! Ты непременно исцелишься! Я повелел молиться за тебя во всех храмах Инебу-Хеджа, Саккары, Гизы и Дахшура!..

– Минувшей ночью я слышал голос Осириса... Он сказал, что настал и мой черед покинуть этот мир. Осирис ждет меня... – задыхаясь, с трудом промолвил фараон. – Вели принести «Книгу Воскрешения»³, пусть начинают читать тексты...

Ур-Хеку подал знак жрицам, и те, пав на мгновение ниц перед ложем фараона, столь же поспешно поднялись и заторопились к выходу.

Вскоре с объемным свитком папируса в руках в покои вошел молодой жрец Кхер Хеб, храмовый писец и хранитель священных книг, и почтительно поклонился фараону. Тот в ответ слабо кивнул и, с трудом оторвав правую руку от ложа, ткнул дрожащим перстом в сторону невысокого прямоугольного столика черного дерева.

Хеб повиновался. Приблизившись к столику, опустился на колени, раскатал на нем свиток священного папируса и вопрошающе взглянул на Ур-Хеку.

– Приступай... – распорядился старый жрец.

Кхер Хеб аккуратно отмотал часть свитка на специальную деревянную дощечку и остановился на сто двадцать пятой главе, где описывается свершение Осирисом посмертного суда над умершим. Главу украшала прекрасно исполненная художником картина: восседавший на троне Осирис, царь и судья загробного мира, был изображен со всеми атрибутами царской власти – короной, жезлом и плетью. Вокруг Осириса плотно расположились сорок два бога, а место в центре зала было отведено весам, на которых боги Гор и Анубис традиционно взвешивают сердце каждого очередного усопшего. На одной чашечке весов покоилось

³ Ныне известна более как «Книга Мертвых».

сердце (то есть совесть⁴ умершего – легкая либо отягощенная множественными грехами), а на другой – Правда (в виде статуэтки богини Маат). Если человек вел на земле праведный образ жизни, то его сердце и статуэтка весили одинаково, если же грешил – сердце значительно перевешивало. Оправданного покойного суд Осириса отправлял в итоге в загробный рай, а грешника бросал на съедение свирепому чудовищу – льву с головой крокодила.

Молодому жрецу уже не впервой приходилось зачитывать оправдательную речь, которую произнес бы любой умерший, появившись у него возможность лично обратиться к Осирису и его многочисленным помощникам, поэтому взирал сейчас на красочное и весьма убедительное изображение суда спокойно и даже несколько отстраненно. Другая причина его отнюдь не показного спокойствия крылась в том, что Инебу-Хедж был весьма многонаселенным городом, так что богатые сановники и многочисленные номархи (правители областей) умирали ничуть не реже простолюдинов. Правда, первые еще при жизни строили себе роскошные усыпальницы-мастабы⁵ в Дахшуре и Саккаре, дабы оказаться после смерти поближе к храмам Осириса. Именно для них-то Кхер Хеб и изготавливал во множестве копии священных папирусов, которые проникновенно читал затем в присутствии родственников подле ложа умирающих, что, в свою очередь, позволяло ему неплохо пополнять свой кошелек.

Наконец Кхер Хеб сосредоточился, и по покоям фараона поплыл его приятный ровный голос:

– «Слава тебе, бог великий, владыка обоюдной правды. Я пришел к тебе, господин мой. Ты привел меня, чтобы созерцать твою красоту. Я знаю тебя, я знаю имя твое, я знаю имена богов, находящихся с тобой в чертоге обоюдной правды, которые живут, подстерегая злых и питаюсь их кровью в день отчета перед лицом Благого. Вот я пришел к тебе, владыка правды; я принес правду, я отогнал ложь. Я не творил несправедливости относительно людей. Я не делал зла. Не делал того, что для богов мерзость. Я не убивал. Не уменьшал хлебов в храмах, не убавлял пищи богов, не исторгал заупокойных даров у покойников. Я не уменьшал меры зерна, не убавлял меры длины, не нарушал меры полей, не увеличивал весовых гирь, не подделывал стрелки весов. Я чист, я чист, я чист, я чист».

Фараон, умиротворенный ароматом благовоний и приятным голосом молодого жреца, впал в забытие... Боль, мучавшая его все последние семь дней, притупилась... Тутмосу слышалось, что Осирис оправдал его. Да, будучи фараоном и утверждая свою власть в Ливии, Нубии и Эритрее, он пролил немало крови – как врагов, так и соплеменников. Но сейчас ему казалось, что он уже ступает на землю Иары, откуда прямоком переносится в райские кущи...

* * *

Кхер Хеб читал священные тексты несколько часов кряду, в связи с чем изрядно приотомился. Наконец, набравшись смелости, он замолк, дабы перевести дух.

В тот же момент фараон Тутмос IV очнулся от грез и совершенно отчетливо произнес: – Прибыл ли Иниотеф, наместник Ливии? И где, кстати, мой верный чати Рехмир?

Кхер Хеб оживленно встрепенулся, решив, что Тутмос пошел на поправку именно после его чтения.

⁴ В Древнем Египте сердце отождествлялось с совестью и душой.

⁵ Мастаба – гробницы в Древнем Египте периодов Раннего и Древнего царств, имеют форму усеченной пирамиды с подземной погребальной камерой и несколькими помещениями внутри, стены которых покрывались рельефами и росписями. Погребальных камер могло быть несколько, и некоторые из них закрывались опускающимися плитами.

– Хвала богам, наше Солнце! Вы выздоравливаете! – воскликнул молодой жрец, не удержавшись от радости, но, тотчас осознав свою оплошность, пал ниц прямо у столика черного дерева.

– Ты хорошо читаешь священные тесты, Кхер Хеб. Я распоряжусь, чтобы тебя назначили верховным жрецом одного из новых храмов... – благостным голосом пообещал фараон.

Молодой жрец, не ожидавший от Великого господина подобной милости, распластался на мозаичном полу всем телом.

– Мы одни?... – снова заговорил фараон после недолгого молчания.

– Да... – подтвердил Хеб, приподняв голову. – Ур-Хеку отправился в храм Имхотепа⁶, дабы самолично молить там всесильного бога о ниспослании вам здоровья.

– Пусть молится... – неожиданно равнодушно произнес Тутмос. – Боги все равно призывают меня со дня на день. Я сейчас говорил с Осирисом...

При этих словах душу молодого жреца охватило ни с чем не сравнимое чувство религиозного благоговения.

– О, мой Великий господин! – взмолился он. – Простите меня, ничтожного, за дерзость мою, но...

– Говори, не бойся... – милостиво вспорхнула рука фараона над ложем.

– А как... как выглядит Осирис, о, Великий господин?!

Тутмос задумался.

– Мне Осирис представился таким, – заговорил он наконец медленно и размеренно, – каким мы привыкли видеть его на рисунках, запечатленных в древних свитках. А теперь... – фараон тяжело вздохнул, – теперь пошли немедленно за Иниотефом и Рехмиром. Надеюсь, они уже прибыли, дабы успеть проститься со мной, пока я жив. Впрочем, не сомневаюсь, что вскоре придет и их время, и тогда они снова верно мне послужат...

Кхер Хеб поднялся и поспешил к выходу, дабы как можно проворнее исполнить волю фараона. Отворив дверь и окликнув слуг, дежуривших возле покоев Тутмоса на случай своевременного оказания той или иной помощи, молодой жрец в точности повторил им слова умирающего. И в тот же миг ему невольно подумалось: «Вероятно, на смертном одре все становятся добрее – и фараоны, и бедняки... А ведь еще совсем недавно имя Тутмоса IV Менхеперура повергало в ужас не только простых людей, но даже и нас, жрецов... Вряд ли несколькими днями раньше фараон снизошел хотя бы до взгляда в мою сторону, не говоря уж пусть и о короткой, но все же достаточно теплой беседе, которая состоялась только что».

С этими мыслями Хеб вернулся на свое место и вновь расположился подле столика черного дерева. Однако не успел он перемотать свиток папируса до следующей главы, как в покои фараона стремительно вошли двое: чати, срочно прибывший с южных рубежей царства, и наместник Ливии, также поспешивший оставить вверенные ему владения, едва узнал об ухудшении здоровья Тутмоса.

Выражение лица фараона потеплело, на губах появилось подобие улыбки.

– Рехмир, ответь, сколько уже лет ты мне служишь? – неожиданно с ходу спросил он.

Чати задумался.

– Почти двадцать, о, мой повелитель, – ответил он после короткой паузы.

– А ты, Иниотеф? – Тутмос перевел взгляд на ливийского наместника, кожа которого изрядно почернела от долгих лет службы под палящим пустынным солнцем.

– Двадцать семь, о, солнцеподобный, – с поклоном ответил тот.

⁶ Имхотеп – реальное историческое лицо. Считается строителем пирамиды фараона Джосера предположительно в XXVIII веке до н. э. Великий архитектор и врачеватель. Основоположник египетской медицины. Обожествлялся и считался сыном бога Птаха, покровителя Инебу-Хедж.

– Двадцать семь... – с ноткой грусти повторил фараон. И вдруг оживился: – А помнишь, как ты спас меня от слона?...

Конечно же, наместник прекрасно помнил тот случай, хотя он и произошел более двадцати лет назад. Тогда фараон Тутмос IV прибыл в Ливию именно с этой целью – поохотиться на слонов. И все бы ничего, да только вот одно из животных, явно не желая становиться жертвой энергичного фараона, неожиданно обхватило обидчика своим мощным хоботом и приподняло над землей, намереваясь, очевидно, поднять еще выше, а потом грохнуть с огромной высоты оземь. По счастью, помогло своевременное вмешательство наместника: не растерявшись и не позволив слону поднять незадачливого охотника слишком высоко, он ловким ударом меча отрубил слону часть хобота, благодаря чему Тутмос вышел из схватки с более сильным противником целым и невредимым.

– Помню, солнцеподобный, помню. Славные были времена...

Фараон слабо улыбнулся.

– Жизненная сила Ка оставляет меня, слуги мои! Молитвы жрецов служат всего лишь жалкой отсрочкой моего перехода в царство Осириса. Но я буду ждать вас там, мои верные слуги! И даже обещаю замолвить словечко перед верховными... – не закончив фразы, Тутмос хрипло рассмеялся.

Чати же, напротив, громко разрыдался в ответ.

– Рехмир! – воскликнул, нахмурившись, фараон. – Не смей лить по мне слезы! Ты должен радоваться за своего господина!.. Совсем скоро меня встретит бог Тот, и мы войдем вместе с ним в священную золотую барку, которая доставит меня в царство Осириса... Впрочем, я позвал вас не для прощальных речей, а чтобы наградить за многолетнюю и верную службу. – С этими словами Тутмос IV повернул лицо к Кхер Хебу и приказал: – Распорядись, чтобы внесли приготовленные шкатулки.

Молодой жрец привычно проворно исполнил волю повелителя.

И почти тотчас в покои фараона впорхнули две юные девушки в прозрачных одеяниях. Обе были стройны, грациозны и хороши собою, яркая самобытная внешность выдавала примесь у обеих нубийской крови. Каждая из красавиц держала в руках по шкатулке, выполненной из розового травертина.

Фараон едва заметно приподнял руку, и девушки, повинувшись его жесту, синхронно откинули крышки шкатулок.

За свою относительно короткую жизнь Кхер Хеб вдоволь успел уже налюбоваться красотой драгоценных камней и украшений, принадлежавших номархам, сановникам, их женам, многочисленным наложницам и дочерям, но камни столь потрясающего великолепия и таких внушительных размеров видеть ему еще не доводилось. А уж от мгновенно подсчитанной в уме их возможной стоимости у жреца буквально перехватило дух.

Верные же слуги фараона тем временем приняли щедрые дары с непритворной благодарностью. Благо юные нубийки тоже оказались частью подарка.

* * *

Рано утром Аменхотепу, сыну и преемнику Тутмоса IV, доложили об ухудшении состояния его солнцеподобного родителя. Аменхотеп тотчас отправил верного слугу в покои жены Теи и сыновей: старшего – Тутмоса (мальчику недавно исполнилось десять лет, и старый фараон особенно благоволил именно к нему) и младшего – Эхнотепа, который был тремя годами моложе брата.

Аменхотеп понимал, что наступивший день означает для него очень многое: его отец, Тутмос Менхеперура, именно сегодня должен будет надлежащим образом (то есть с соблюдением всех священных и светских формальностей) передать ему власть – как государствен-

ную, так и духовную. И именно с сегодняшнего дня Аменхотеп станет наконец не только фараоном с тронным именем Небмаатра Менес Аменхотеп III Гехеммут, но и Верховным жрецом Египта, служителем бога Ра!⁷ А на церемонии подобной важности и значимости требовалось присутствие и царицы, и малолетних наследников.

Когда Аменхотеп, облаченный по столь торжественному случаю в белые одежды, приблизился к покоям отца, то сразу же увидел толпящихся у дверей сановников, среди которых заметил и советников – первого и второго. Благодаря завидным росту и стати на фоне собравшихся особенно выделялся министр Хану. После вступления на трон Аменхотепа сей господин искренне рассчитывал на получение вожделенной должности чати, ибо не сомневался в душе, что новый фараон, приступив к правлению царством, первым делом отправит сторонников отца на покой и освободит тем самым лакомые посты и должности исключительно для своих людей, к коим не без основания причислял и себя.

Стоило Аменхотепу окинуть пеструю толпу царедворцев снисходительно милостивым взглядом, как все тотчас пали ниц перед «восходящим солнцем» Египта.

Согласно своему статусу царица Тея не имела права являться на какое бы то ни было мероприятие раньше супруга, но сей факт, по правде говоря, не особо ее и удручал: напротив, именно благодаря этому обстоятельству она могла уделять своему туалету самое тщательное внимание.

Но вот наконец появилась и Тея – в сопровождении свиты прелестных девушек, услугами которых не гнушался время от времени и сам Аменхотеп. Не смотря даже на то, что имел, помимо жены, еще и нескольких наложниц. Одна из них, в частности, родила ему дочь Кийа, которая по возрасту была почти ровесницей Эхнотепа.

Когда двери покоев Тутмоса открылись, первым вошел Аменхотеп, за ним – Тея, следом – сыновья и дочери, затем – сановники в соответствии с их иерархическим положением при дворе. Вконец обессиленный старик-фараон по-прежнему пребывал на своем ложе. Голова его неподвижно возлежала на подушках, набитых размягченным хлопком.

Тутмос, старший внук умирающего фараона, отвел глаза и невольно обратил внимание на небольшую фреску, расположенную над изголовьем деда: на ней были изображены витиеватые иероглифы. Первая строка означала личное имя старого фараона, вторая – его тронное имя. Маленький Тутмос вдруг отчетливо осознал, что совсем скоро эта фреска исчезнет и на ее месте появится другая – с именами его отца, Аменхотепа III.

Согласно ритуалу, принятому в подобных случаях, Аменхотеп воссел в кресле, установленном в центре покоев. По правую руку от него расположилась Тея, по левую – разместились дети: сыновья Тутмос и Эхнотеп и дочери Сатамон и Бакетамон. Позади кресла Аменхотепа замерли, вытянувшись в струнку, хранитель печати (по совместительству – главный писарь) и молодой нубиец, носитель царского опахала. Маленькая Кийа вместе со своей матерью-наложницей стояла чуть поодаль, в рядах сановников.

Как Верховному жрецу Инебу-Хеджа и служителю храма Атума господину Ранебу предстояло сыграть в предстоящем действе ключевую роль: он должен был огласить последнюю волю умирающего. Другими словами, в присутствии многочисленных свидетелей озвучить имя преемника фараона. Конечно же, многим из присутствующих были известны из истории случавшиеся в столь ответственный момент неожиданные казусы, когда власть переходила отнюдь не к старшему сыну, но сегодня ни сам Ранеб, ни собравшиеся у смертного ложа царедворцы не сомневались: клафт⁸ они увидят именно на голове Аменхотепа. Ибо он – единственный оставшийся в живых сын Тутмоса IV, а стало быть, и самый что ни

⁷ Фараоны имели личное имя, например Аменхотеп. И тронное, более полное, официальное имя. Каждый фараон считался Верховным жрецом Египта (несмотря на то что храмы и города также имели верховных жрецов), служителем бога Ра. Фараоны считали себя прямыми потомками бога Ра.

⁸ Клафт – высокая шапка фараона, увенчанная впереди змеей-уреей. Символ верховной власти Египта.

на есть законный преемник. Провозгласив Аменхотепа новым фараоном Египта, сразу вслед за этим Верховный жрец вручит ему полагающиеся атрибуты власти: жезл-урею в виде змеи и плеть. Голову же Теи, первой и любимой жены нового фараона, украсит, как водится, короной с изображениями богини-змеи Уто и богини Нехмет (имеющей вид коршуна), символизирующих верховную власть. Но прежде чем все это действие произойдет, всем, конечно же, предстоит выслушать самого фараона Тутмоса IV – на сегодняшний день, к сожалению, глубоко состарившегося и готовящегося отойти в мир иной...

Затянувшееся в покоях молчание было наконец прервано: хрипло откашлявшись, Тутмос не без труда, но внятно произнес:

– всю свою жизнь я положил на расширение границ Египетского царства. И благодаря этому простирается оно теперь до диких земель Унешек на юге, до реки Тигр на востоке и до Ливии – на западе. – Старик ненадолго умолк, но потом, сделав несколько глубоких вдохов, продолжил: – Преумножай богатства Египта... Будь отцом своему народу... Ибо жезл в виде змеи означает мудрость... А плеть... Не забывай, что ты – правитель, а власть должна быть крепкой и незыблемой. Умей вовремя покарать своих врагов... Прославляй богов наших, сооружай новые храмы... – Тутмос IV снова умолк.

Верховный жрец Ранеб снял с маленькой подушечки, протянутой ему первым советником, клафт, после чего повернулся к Рехмиру – теперь уже, можно сказать, бывшему чати царства – и принял из его рук жезл-урею с плетью. Затем водрузил клафт на голову Аменхотепа и торжественно вручил ему все полагающиеся атрибуты царской власти.

Новоиспеченный фараон поднялся с кресла и, скрестив руки на груди, громко провозгласил:

– Я, Небмаатра Менес Аменхотеп III Гехеммут, в 1809 год от правления фараона Гора⁹ принимаю власть над Египтом волею своего отца, Тутмоса IV Менхеперура. Обещаю править справедливо и на благо царства...

* * *

Присутствующим показалось, что Тутмос IV уже не дышит. Однако стоило Верховному жрецу Ранебу приблизиться к ложу умирающего, как тот резко открыл глаза.

– Я хочу говорить с внуком... с Тутмосом... – в слабом голосе прозвучали знакомые всем властные нотки. – У меня еще есть время... Правда, совсем немного – золотая барка уже ждет меня...

Тутмос, десятилетний подросток, необычайно вытянувшийся за те последние месяцы пока старый фараон болел, приблизился к царственному ложу.

– Я здесь... – мальчик запнулся, ибо по привычке хотел добавить: «мой фараон» или: «наше солнце». Но ведь теперь фараоном, а значит, и солнцем Египта, стал его отец, Аменхотеп. – Я здесь, дедушка... – коротко и просто сказал он, словно обычный крестьянский мальчишка.

– Да, да... я вижу... ты очень вырос, Тутмос... Вот, возьми... – Тутмос IV глазами указал на предплечье своей руки, где красовался золотой браслет в виде змеи, усыпанной драгоценной россыпью камней. – носи его... Ты ведь тоже – Тутмос, что означает – сын бога Тоты... И когда-нибудь ты станешь Тутмосом V. Змея – символ власти и мудрости... Сумей распорядиться ею правильно, когда придет твое время. – Умирающий фараон замолк, жадно

⁹ Первый фараон Древнего Египта, всячески обожествлялся. Гору было посвящено множество храмов, где ему поклонялись как богу Света. Во многих мифах считается сыном Осириса и Исиды, в некоторых – сыном Ра. Гор дал начало так называемой «нулевой» династии фараонов. Его прямые потомки: Ни-Гор, Хат-Гор, Ири-Гор, Нармер, Гор-Скорпион правили предположительно в 3200–3100 годах до н. э. Возможно, что Ни-Гор, Хат-Гор, Ири-Гор захоронены в некрополе Абидоса.

вглядываясь в лицо внука и сознавая, что мальчик похож на него, словно две капли воды. – Ты... ты уже выбрал себе жену, Тутмос? – задал вдруг неожиданный вопрос старик.

– Нет, – признался внук. И бесхитростно добавил: – Ни одна девушка из дворца меня не привлекает. Мне более по душе древние папирусы, хранящиеся в дворцовой библиотеке.

Умиравший фараон выдавил из себя слабую улыбку:

– Ты очень... очень похож на меня. Я ведь тоже поздно женился... Но при этом в военных походах предпочитал проводить свободное время в объятиях наложниц... Ну что же ты? – Тутмос IV заметил нерешительность внука. – Снимай же браслет – отныне он твой! Самому-то мне теперь и руку тяжело поднять...

Юный Тутмос оглянулся на отца: тот одобрительно кивнул. Мальчик благоговейно снял браслет с руки умирающего.

– Вот и все... – прошептал Тутмос IV. – Барка уже плывет за мной по волнам Нила... Бог Тот ждет меня...

С этими словами фараон Тутмос IV закрыл глаза... навеки.

Юного Тутмоса, крепко сжимающего в руках дедовский браслет, охватили вдруг противоречивые чувства. С одной стороны, жрецы, словам которых он всегда прилежно внимал, учили, что смерть – это всего лишь начало новой жизни, благодаря которой человек обретает вечность. Но с другой стороны... Слишком уж горько было расставаться с дедушкой, которого он нежно и искренне любил, сколько себя помнил. Усилием воли мальчик подавил слезы: негоже показывать слабость прилюдно.

Все это время на семилетнего Эхнотепа практически никто не обращал внимания. Впрочем, смерть старого фараона ничуть и не тронула его сердце: мальчика более озаботил и взволновал тот факт, что браслет в виде змеи был подарен отчего-то его старшему брату, а не ему. В детскую душу закралась тоска. Несмотря на свой юный возраст Эхнотеп прекрасно понимал, что со смертью старого фараона и восшествием на престол Египта отца, Аменхотепа III, права эрпатора, то есть законного наследника, все равно перейдут к старшему брату, Тутмосу. Получается, что ему, Эхнотепу, уготована участь всю жизнь провести в лучах чужой славы?... Внезапно мальчик ощутил поднимающуюся из глубины души горечь обиды и одновременно... жгучую ненависть к старшему брату.

* * *

Ближе к вечеру дворец в Инебу-Хедже огласил плач Исида. Жрицы горько, дружно и голосисто оплакивали скончавшегося Тутмоса IV:

– «Сливается небо с землею, тень на земле сегодня,
Сердце мое пылает от долгой разлуки с тобою...
О, владыка, отошедший в край безмолвия,
Вернись же к нам в прежнем облике твоём!
Руки мои простерты к тебе в приветствии!
Руки мои подняты, чтобы защищать тебя!
Сливается небо с землею, Тень на земле сегодня,
Упало небо на землю,
О, приди ко мне!»¹⁰

¹⁰ Перевод М.Э. Матье.

Глава 2

1386 год до н. э., дворец фараона в Инебу-Хедже

В амфитеатре, воздвигнутом в саду в тени экзотических растений, члены семьи фараона и его приближенные разыгрывали представление «Из жизни богов». Зрителями же сего увлекательного театрального действия были преимущественно вельможи и многочисленные номархи Инебу-Хеджа и его предместий, а также их жены.

На сцене, сооруженной из темно-красных досок тамаринда¹¹, восседала в креслах божественная триада, облаченная в золоченые одежды: Ра – бог солнца, его сын Шу и несравненная богиня Тефнут. Впрочем, правильнее было бы сказать, что эти трое были скорее наблюдателями, нежели исполнителями. Просто другие роли, кроме перечисленных, исполнять царственной чете (а именно Аменхотеп III выступал сейчас в образе Ра, а Тея – в роли Тефнут) и главному визирю (он изображал бога Шу) было недопустимо по статусу.

Тефнут (царица Тея) откровенно скучала. За ее спиной стоял юный нубиец, усердно обмахивающий «богиню» и ее «божественных родственников» опахалом из страусовых перьев. Сие действие происходило в середине весны ежегодно: одни и те же вельможи, номархи и их разодетые в пух и прах жены сидели в зрительном зале на издавна закрепленных за ними местах, одни и те же лица из года в год исполняли роли Осириса, Исиды и коварного Сета. В роли Нефтиды, к примеру, вот уже пять лет кряду «блистала» все та же Таусер – жена первого советника.

Сета играл садовник, потому как никто из уважающих себя вельмож не желал лицедействовать в личине злодея и предателя. Садовник же настолько вошел в образ, что всякий раз, «убивая» своего брата Осириса, неистово потрясал мечом, а потом делал яростно-свиное выражение лица и начинал «кромсать» тело несчастного якобы на множество частей. Несчастливая Исида (Хаба, жрица одноименного храма), заламывая руки, бросалась к возлюбленному Осирису (Ранебу, Верховному жрецу Инебу-Хеджа), но, увы, всегда «опаздывала»: к этому моменту жизнь уже оставляла правителя Нижнего Египта.

Сет, торжествуя, потирал руки: теперь он – единственный и полновластный правитель Египта, Нубии и Эритреи! Больше ему не придется довольствоваться жалкими крохами власти!

Тем временем Исида, прибегнув к помощи Нефтиды, укладывала Осириса на белую ткань, после чего, «упиваясь горем», мастерски изображала, как пропитывает тело супруга специальными смолами, дабы превратить его растерзанные останки в бессмертную мумию¹². Затем несчастная вдова, раскинув руки, словно соколица – крылья, «соединилась» с телом Осириса, после чего... «понесла» от него ребенка.

Но тут на сцене снова появился коварный Сет! Жестом, полным презрения, он указал своим воинам в сторону беззащитных женщин. Те тотчас поспешили скрыться, и подручные Сета гордо унесли «тело» Осириса со сцены¹³.

Пока Исида исполняла свой «последний супружеский долг», царица Тея-Тефнут исподволь наблюдала за стоявшим рядом с «богиней Маат» своим старшим сыном, Тут-

¹¹ Древесина тамаринда отличается прочностью и красотой. Используется при изготовлении мебели и полов. Плоды же, бобы, широко используются в египетской кухне.

¹² Считается, что именно Исида первой применила технологию мумифицирования.

¹³ Приведена одна из многочисленных версий убийства Осириса Сетом и Священного совета богов. На самом деле у каждого египетского нома (административной единицы) своя интерпретация мифа. А всего номов – более сорока. В одной из таких версий говорится, что Геб, Нут и сам Ра неоднократно покидали землю на Золотом диске и посещали свою прародину – Та-Урсу. В данном случае Геб и Нут пребывали на Та-Урсе, а Ра, Шу, Тефнут вершили правосудие в Та-Кемет.

мосом – красивым юношей, изображавшим сегодня бога Тота. От внимания умудренной жизненным опытом женщины не ускользнуло, сколь восторженно поглядывает Тутмос на юную и очаровательную (если не сказать – соблазнительную) дочь начальника дворцовой стражи, которой и досталась в сегодняшнем представлении роль богини Маат. Конечно же, царица сразу догадалась, что ее пятнадцатилетний отпрыск почувствовал наконец в себе мужскую силу, и, значит, отныне общений с представительницами прекрасного пола ему уже не избежать. И все-таки Тее хотелось, чтобы первый урок любви ее сыну преподала не дочь начальника стражи, а опытная в подобных делах наложница – обученная таким изощренным ласкам, которые способны были бы удовлетворить любые желания пусть даже совсем еще юного мужчины.

От сокровенных мыслей Тею отвлек появившийся на сцене Гор – сын, рожденный Исидой от умершего Осириса. Гор зычно взывал к могущественной триаде богов, и в особенности к богу Ра, но, по замыслу представления, триада должна была оставаться «глухой» к речам Гора.

И вот наконец настал черед Тота и Маат – помощников всемогущего бога Ра. Молодые люди дружно бросились на колени и начали в унисон умолять Ра быть к Гору снисходительным и великодушным: ведь мало того, что Гор – истинный наследник Нижнего Египта, так он же должен еще и поквитаться с Сетом за смерть отца!

Ра-Аменхотеп поднялся и величественно простер длань к небу:

– Не внять мольбам сим невозможно, боги! – излишне театрально воскликнул он. – Коварный Сет хотя и правнук мой, но должен будет понести заслуженную кару! Какое счастье, что Геб и Нут, произведшие его на свет, не видят ныне сына своего позора!.. Что скажешь, дочь моя? – обратился божественный Ра-Аменхотеп к Тефнут-Тее, с самого начала действия хранившей молчание.

Тея поднялась с кресла и тоже воздела руки к небу.

– О, Атум – прародитель наш великий! Правитель Та-Урсы!¹⁴ Потомок твой предателем стал и убийцей! Как объяснить мне это детям моим, Гебу и Нут, стоящим ныне у ложа твоего предсмертного? Чем утешить мне Исиду и Гора?...

В тот самый момент, когда Тефнут испрошала совета у Атума – своего умирающего прародителя, оставшегося на Та-Урсе, на сцену поднялся Шу и с пафосом воскликнул:

– Горько говорить мне, сестра и жена моя, но Сет заслуживает смерти! Нет ему прощения! Люди почитали Осириса, Исиду и коварного Сета за богов, несущих им процветание и справедливость! Неужто ж мы оставим убийство Осириса безнаказанным? – Шу, вопрошая, повернулся к Ра и Тефнут и умоляюще простер к ним руки.

– Нет! Вот мой божественный жезл! – ответил Ра, протягивая Гору золотой жезл. – Пусть он и станет оружием возмездия! И да восторжествует справедливость!

Тот-Тутмос поднялся с колен, приблизился к Ра, принял из его рук протянутый ему жезл и лишь потом передал «оружие возмездия» Гору-Камосу, своему близкому другу и наперснику, многозначительно при этом подмигнув. Сей известный обоим условный сигнал означал: жду тебя после представления в своем шатре.

¹⁴ Так в Древнем Египте называли Большую туманность в созвездии Ориона. Приблизительный перевод: Та-Урса – древняя, далекая земля. Считалось, что верховные боги Египта, а именно: Ра, Шу, Тефнут, спустились на Землю именно из этой туманности. На Земле Шу и Тефнут породили Геба и Нут, те же – Осириса, Исиду, Сета и Нефтиду. Осирис и Исида стали супругами и правили Нижним Египтом со столицей Бехдед. Сет и Нефтида же правили Верхним Египтом. Столицей Верхнего царства был Омбос. Ра также имел детей (полубогов) от земной женщины.

* * *

Утомительное представление под названием «Из жизни богов» наконец завершилось. Как всегда, благодарные зрители осыпали актеров ароматными лепестками роз, выращенных во дворцовых садах «коварным Сетом», то бишь трудолюбивым садовником.

Аменхотеп любил эти ежегодные представления, они дарили ему иллюзию справедливости жизни. Сегодня же на протяжении всего действия он наблюдал в основном за Верховным жрецом, исполнявшим роль мученика Осириса. Вот уже который год фараон не уставал удивляться его актерским способностям! Да, уж что-что, а лицедействовать, то бишь «притворяться», Ранеб умеет!..

Невольно в памяти Аменхотепа всплыли слова отца, Тутмоса IV, касающиеся отношения к богам и жречеству. Еще задолго до того, как отправиться в царство Осириса, отец неоднократно внушал Аменхотепу, что богов следует чтить и уважать, ибо они – прародители всего Великого Египта. А вот давать излишнюю волю жрецам ни в коем случае не стоит – иначе те рано или поздно непременно пожелают возвыситься над потомком божественного Ра, то есть над самим фараоном.

Полузабытые слова отца неожиданно взволновали Аменхотепа. Он припомнил, что в последние годы храмы, разбросанные по всему Египту, с завидными упорством и постоянством и впрямь набирают силу. В частности, присоединяют к своим владениям все новые и новые земли. И это не считая того, что крестьяне платят служителям храмов такие огромные подати, которые с государственными налогами смешно даже сравнивать...

Поразмышляв на эту тему еще какое-то время, Аменхотеп пришел к твердому выводу: настала пора предпринять по отношению к храмам и их служителям радикальные меры! В первую очередь, разумеется, ограничить права и власть Верховного жреца Ранеба, а уж потом, чуть позже, и всего жречества в целом. Сложность же проблемы заключалась, однако, в том, что пока еще Аменхотеп не знал, как осуществить это на практике. Более того: ему было стыдно признаться даже самому себе, что он... опасается Ранеба! Слишком уж огромным влиянием и властью тот обладал еще при жизни отца, а уж про нынешние времена и говорить не приходится...

* * *

Царица Тея покинула закончившееся представление в сопровождении дочерей – Сатамон и Бакетамон, падчерицы Кийи, рожденной от наложницы, которая недавно умерла очередными родами, и всей своей свиты. Погуляв немного по саду и вдоволь насладившись дурманящим сладковатым ароматом тигровых лилий, царица неожиданно остановилась.

– Пошлите за Камосом! – приказала она одной из служанок. – И передайте сыну первого советника, что я желаю видеть его немедленно!

Отделившись от свиты, девушка-служанка помчалась исполнять приказание своей повелительницы, а все остальные неспешно направились в сторону дворца.

Добравшись до своих покоев, царица первым делом пожелала испить холодной фруктовой воды, а затем, удобно расположившись в любимом кресле, попыталась сосредоточиться на словах, которые ей с минуты на минуту предстояло высказать Камосу.

– Моя несравненная госпожа, я уже перед вами и весь к вашим услугам! – звонко отпортовал появившийся в дверях Камос, низко при этом поклонившись.

Царица властным жестом указала молодому сегеру на мягкую скамеечку, стоящую напротив ее кресла. Юноша безропотно проследовал к предложенному месту, трепеща в душе от предчувствия, что разговор с царицей предстоит непростой.

– Скажи-ка мне, Ка-а-амос... – певуче протянула Тея, и Камос тотчас поддался обаянию ее голоса.

Несмотря на то что Тея перешагнула недавно тридцатилетний рубеж, выглядела она по-прежнему молодой и безупречно красивой, а с точки зрения мужчин – еще и безмерно желанной. Чего уж греха таить: любой сегер из царской свиты почел бы за честь хотя бы вскользь коснуться ее прозрачных одежд...

Тея же нарочно умолкла, словно подбирая в уме нужные слова. Скамеечка, на которой расположился Камос, стояла достаточно близко от ее кресла, но была слишком низкой и приземистой, подчеркивая тем самым разницу статусов визитера и хозяйки покоев.

По правде говоря, Камос давно уже относился к царице Тее с каким-то особенным, необъяснимым благоговением. Возможно, причиной тому была не столько даже ее неземная красота, сколько острый и незаурядный ум. Царица пользовалась при дворе огромным влиянием, с ее мнением считались не только царедворцы и сановники, но даже сам фараон. Ни для кого не было секретом, что Аменхотеп всегда любил Тею гораздо больше и сильнее, чем всех своих многочисленных и часто меняющихся наложниц, чьи имена очень быстро забывались в Инебу-Хедже. Тея же была для Аменхотепа не только первой и любимой женой и царицей, но и матерью не менее обожаемых им наследников: двух сыновей и двух дочерей. В подтверждение того, сколь страстно он любит супругу, Аменхотеп приказал даже однажды придворному скульптору извять из мрамора ее бюст, и с тех пор тот вот уже много лет неизменно украшал его покои. Но и этого фараону показалось мало: чуть позже он приказал украсить стены его покоев росписями, отражающими сцены из повседневной царской жизни. И теперь дольно часто, уединившись, он с непередаваемым удовольствием и подолгу предавался созерцанию искусно выполненных изображений ненаглядной своей Теи и любимых детей.

Справедливости ради стоит отметить, что царица искренне ценила чувства своего божественного супруга и охотно отвечала ему взаимностью. Впрочем, даже если бы ей пришлось в голову увлечься кем-нибудь из молодых блистательных сегеров, буквально наводнивших с некоторых пор Инебу-Хедж, вряд ли она смогла бы изыскать возможность для тайных встреч с любовником. Ибо с самого первого дня супружества ревнивый Аменхотеп приставил к красавице Тее (как, прочем, и к некоторым из своих наложниц) некоего Хеви, который и выполнял при ней по сей день роль своеобразной «тени». По счастью, в обязанности этого пронырливого выходца из Абидоса не входило надоедать царице мельканием в непосредственной близости от нее.

Тея не любила и отчасти даже презирала Хеви. Почти пятнадцать лет назад, едва прибыв из Абидоса в Инебу-Хедж, тот благодаря своей природной изворотливости практически сразу получил при дворе должность хранителя царского гарема. Правда, в последнее время Хеви заметно ослабил былую хваленую «хватку» – видимо, годы брали-таки свое. И тем не менее прежним цепким взглядом, сравнимым разве что с соколиной зоркостью, он продолжал отслеживать все передвижения царицы не только по Инебу-Хеджу (если та, например, отправлялась в храм Хатхор – богини любви и веселья), но даже и по территории самого дворца. А в последнее время Хеви обзавелся (видимо, все-таки и впрямь в силу возраста) еще и несколькими помощниками. И хотя те тоже соблюдали вменяемую им по долгу службы «невидимость», Тея постоянно ощущала скрытое присутствие как Хеви, так и его помощников-соглядатаев.

Отвлечшись наконец от мыслей о Хеви и его подручных, Тея, словно только сейчас вспомнив о присутствии в ее покоях визитера, пристально, но по-прежнему молча воззрилась на Камоса. Молодой сегер замер: не так часто приходилось ему оставаться с царицей наедине. Пожалуй, и до беседы с ним она снизошла всего-то лишь третий раз в жизни – с тех пор, как его отец стал первым советником фараона. Поскольку же супруга фараона про-

должала молчать, Камос, чуть осмелев, с наслаждением вдохнул нежный цветочный аромат, исходящий от ее одежд и пышного парика.

Как и все женщины дворца, Тея, следуя последней египетской моде, сбивала волосы с головы полностью. Именно поэтому в ее покоях, в специально отведенной комнате, хранилось множество изысканных париков, изготовленных из тончайшей овечьей шерсти и окрашенных в иссиня-черный цвет. И каждое утро Тея вместе со своей помощницей, в ведении которой находилась комната с париками, с предельной тщательностью подбирали, какой именно парик должен украсить сегодня прелестный царственный лик?

Царица покачала головой, словно стряхивая с себя затянувшееся оцепенение, и молодой сегер не утонул в очередной волне нежнейшего аромата духов.

– Я слышала, Камос, – заговорила наконец царица, – что ты недавно женился...

– О, да, моя госпожа, так и есть! Мою избранницу зовут Сепати. И она происходит из знатнейшего рода Ону...

– Да, да... – жестом остановила Тея молодого человека. – Я и об этом слышала. Впрочем, как и о несравненной красоте твоей Сепати...

Камос расплылся в довольной улыбке:

– Благодарю вас, моя госпожа.

– Но мне также известно, – не меня интонации, продолжила царица, – что вплоть до недавнего времени ты посещал некий дом... Или, точнее сказать, некое увеселительное заведение, хозяйкой которого является женщина по имени Рафия...

Юноша смутился, но нашел в себе смелости признаться:

– Не стану отрицать, госпожа: я действительно навещал изредка то заведение, о котором вы упомянули, но...

И вновь Тея одним лишь взмахом руки остановила поток красноречия гостя.

– Камос, я не имею целью порицать тебя здесь за твое легкомыслие, – укоризненно произнесла она. – В конце концов, молодой мужчина вправе набираться любовного опыта там, где ему это удобно. Ответь мне лучше на такой вопрос, Камос: а это... словом, пристойно ли это заведение, чтобы обратить на него внимание?

Камос не на шутку разволновался: он никак не ожидал от царицы подобного вопроса.

– О, да, моя госпожа... Вполне... – запинаясь едва ли не на каждом слове, начал «отчитываться» юноша. – Я хотел сказать, что да... заведение вполне... пристойное. Туда даже приглашают иногда молодых... жриц из храма Хатхор... Ну, вы ведь понимаете, что я имею в виду? – молодой сегер вконец стушевался.

– Разумеется, – ободряюще улыбнулась ему Тея. – Жрицы Хатхора весьма искусны в любви – это давно уже всем известно. И, вероятно, богатые сегеры отдают предпочтение именно им, не так ли?

Камос согласно кивнул, но тотчас поспешил добавить:

– Вы, как всегда, правы, моя госпожа, но заведение Рафии славится и другими прелестными девушками! Не менее искусными в любовных ласках, чем... – последние слова, окончательно смутившись, сегер произнес буквально шепотом.

Царица взглянула на юношу с нескрываемым любопытством.

– Ну а тебе лично, Камос, кто более по нраву – жрицы или девушки Рафии? – осведомилась она с почти плотоядной улыбкой.

Камос, поборов смущение, вскинул голову и открыто взглянул царице в глаза:

– Жрицы из Хатхора, моя госпожа! Они, можете поверить мне на слово, не только бесподобны, но и ни с кем не сравнимы!..

– Что ж, Камос, благодарю за откровенность. Я верю тебе. И теперь, видимо, настало время поставить тебя в известность, для чего, собственно, я и учинила сегодняшней допрос.

Буду краткой: я хочу, чтобы ты уже сегодня вечером, немедля, отвел в дом Рафии моего Тутмоса.

Камос буквально оцепенел от удивления.

Тея не торопила сегера с ответом, понимая, что ее просьба и впрямь весьма необычна. Всем было прекрасно известно, что в богатых семьях в подобных ситуациях специальных наложниц приглашают прямо в дом, где они и дают юношам первые уроки любви. Царице же захотелось, чтобы Тутмос потерял девственность и обрел первый опыт любви в более непринужденной обстановке, но, безусловно, исключительно с опытной «наставницей».

– Как вам угодно, моя госпожа. Но... кого вы предпочтете для сына – девушку Рафии или жрицу? – робко поинтересовался Камос, только теперь постигший подоплеку столь откровенных расспросов.

– Жрицу. И, разумеется, молодую и красивую. Но при этом способную доставить удовольствие совершенно неопытному юноше. Вот, возьми... – Тея указала взглядом на увесистый мешочек, лежащий на соседнем резном столике. – В нем ровно пятьдесят серебряных драхм. Или женщины, подобные Рафии, предпочитают дебены?¹⁵

– Нет, нет, моя госпожа. Драхмы вполне сгодятся...

– Надеюсь, Камос, до вечера тебе хватит времени, чтобы подготовить предстоящий визит в заведение Рафии надлежащим образом?

– Я сделаю все, как полагается, моя госпожа, можете не сомневаться, – заверил царицу молодой сегер.

– Я догадывалась, что на тебя можно положиться, Камос...

* * *

Из покоев царицы Камос отправился в павильон Тутмоса. С недавних пор юный эрпатор обосновался в отдельно стоящем от дворца павильоне, искусно отстроенном из красноватого тамаринда. Тутмос считал себя теперь вполне взрослым, поэтому его безмерно утомляло неусыпное внимание царственных родителей. Более же всего раздражала нежная опека кормилицы, которая, казалось, будет относиться к нему как к малому ребенку, даже когда он станет фараоном.

Нуждаясь хотя бы в относительной свободе и особенно – в общении со сверстниками, в качестве которых выступали в основном сыновья сановников и сегеров, молодой наследник трона, обзаведясь собственным павильоном, стал частенько собирать у себя шумные компании. Особое же предпочтение Тутмос отдавал Камосу – сыну первого советника. Камос был всего на два года старше эрпатора, но, несмотря на столь мизерную разницу в возрасте, гораздо более опытным в жизненных вопросах.

Вот и сейчас Тутмос с нетерпением поджидал своего друга. Он часто делился с Камосом самыми сокровенными своими тайнами, поэтому сегодня ему вдруг нестерпимо захотелось поведать молодому сегеру, как сильно он желает Нефруру – дочь Джера, начальника дворцовой стражи.

Наконец, откинув прозрачный полог, отделявший покои Тутмоса от основного помещения, Камос вошел в павильон.

– Приветствую тебя, о, благородный эрпатор! – прямо от входа провозгласил он и привычно поклонился.

– О, Камос, наконец-то! Как я рад тебя видеть! – возбужденно откликнулся царевич.

Камос тотчас почувствовал: друг чем-то взволнован.

¹⁵ Дебен – египетская монета. Но в ходу были также греческие драхмы. И многие египтяне отдавали им предпочтение.

– Я примчался к тебе сразу, как только освободился. Сам понимаешь, жена требует к себе повышенного внимания, – солгал сегер, решив умолчать о своем визите к царице.

– Наверное, так оно и есть... У меня-то пока нет ни жены, ни наложницы, поэтому мне трудно судить об этом, – с грустью в голосе заметил наследник.

– Ты говоришь так, словно готов жениться прямо сейчас! – воскликнул Камос, располагаясь на ковре, усыпанном многочисленными подушками.

– Жениться?... – Тутмос на секунду задумался. – Нет, пожалуй, я еще не готов к столь ответственному шагу. А вот от наложницы, признаюсь, не отказался бы...

Камос мысленно восхитился: «Все-таки Тея – на редкость проницательная женщина! Кажется, наш эрпатор и впрямь созрел для плотских утех... Несомненно, царица позаботится потом о самой лучшей наложнице для своего сына, но сегодня я должен выполнить данное ей обещание...»

– И кого бы ты хотел видеть в роли своей наложницы, Тутмос? – как бы невзначай поинтересовался Камос.

Эрпатор оживился: наконец-то появился повод поведать другу о предмете страсти.

– Скажи, Камос, – вкрадчиво начал он, – что ты думаешь о Нефруре, дочери Джера?

Камос задумался: кажется, он заметил на сегодняшнем представлении страстные взгляды эрпатора, которые тот украдкой бросал в сторону Нефруры.

– Несомненно, она весьма хороша собою... Стройна как тростинка, нежна как цветок лотоса... Глаза столь глубоки, словно в них затаилось ночное небо... Но, друг мой, и только.

Тутмос удивленно уставился на приятеля:

– Да разве ж этого мало?!

– Разумеется! – с жаром воскликнул Камос. – Рассуди сам: Нефрура невинна и, значит, не сможет помочь тебе стать мужчиной!

Тутмос на мгновение растерялся, но тотчас взял себя в руки:

– И что же мне теперь делать?... Ждать, когда моя царственная мать подберет мне наложницу по своему вкусу?! Не сомневаюсь, что ее выбор падет на какую-нибудь уроженку Абидоса, этого рассадника плотских утех!

– Помимо Абидоса в Египте есть и другие города, Тутмос, – многозначительно заметил Камос. – К примеру, женщины Ону славятся своей красотой и умением любить мужчин не меньше, чем абидоски.

– Ты прав, твоя Сепати действительно прекрасна! – согласился эрпатор. – Но...

– Никаких «но», дружище!.. Для начала мы с тобой совершим кое-что другое... – Камос, словно завзятый заговорщик, умышленно понизил голос, и его уловка сработала: Тутмоса заинтриговал тон сегера.

– Признавайся, что ты задумал?! – горячо воскликнул он.

– Не торопись, эрпатор! Наберись чуточку терпения, и сам скоро все узнаешь...

Глава 3

Дворец фараона в Инебу-Хедже, столице Египта, представлял собою потрясающее зрелище. Номархов, прибывавших сюда из Абидоса, Амарны, Ону, Уасета¹⁶, Напаты и даже из Хемену¹⁷, населенного в основном греческими купцами, которых и вовсе мало чем можно было удивить, поражала в первую очередь величественная масштабность дворцовых ворот. Дворцовые ворота были столь высоки, что любому входящему, пожелавшему разглядеть их верхнюю оконечность, приходилось изо всех сил запрокидывать голову. И тогда, будучи вдобавок окружен двумя огромными пилонами¹⁸, венчавшими дворцовые ворота, человек ощущал себя крохотной песчинкой, случайным ветром занесенной в великое царство Та-Кемет¹⁹.

До слуха каждого приезжего доносился легкий шелест развевающихся на плоских крышах сторожевых башен царских флагов, традиционно украшенных изображениями скарабея, анха и солнечного диска. Над самими воротами возвышался герб Египта – крылатый шар, обвитый двумя кобрами-уреями. Ниже размещалась эннада²⁰ богов, почитаемых жителями Инебу-Хеджа. На боковых колоннах тоже были высечены изображения великой эннады, а под ними, ниже, – иероглифические надписи.

Пилоны были украшены изображением фараона Аменхотепа III: в одной руке он сжимал секиру, а другою – держал за волосы головы нескольких людей, словно готовясь в любой момент обрушить на них свой праведный гнев. При виде сей выразительной сцены номархи всякий раз испытывали чувство благоговейного страха перед фараоном.

Еще каких-то пять лет назад сановники и жители Инебу-Хеджа лицезрели на этих же пилонах Тутмоса IV. Но сразу после его ухода в Дуат, в Загробный мир, дворцовые зодчие умело подправили лик фараона, придав ему сходство с сыном Тутмоса – ныне здравствующим и правящим страню Аменхотепом III.

Ворота охраняли мускулистые стражники-маджаи, облаченные в кожаные, украшенные золотыми бляхами нагрудники, хлопковые полосатые юбки и назатыльные платки из той же ткани, перехваченные по центру лба серебряными обручами. Свирепый вид сих стражей навевал на любого прохожего уже не благоговейный страх, а самый что ни на есть животный ужас. Маджаи сжимали в своих огромных руках бронзовые секиры, всем своим видом выражая готовность снести голову каждому, кто дерзнет проникнуть во дворец незаконным образом. У многих провинциальных номархов, чья совесть была не чиста, нередко возникало ощущение, что, войдя во дворец, они никогда уже, увы, из него не выйдут. Ибо практически все они, безраздельно управляя своими номами²¹, утаивали часть налогов, предназначенных для дворцовой казны, преумножая тем самым собственные богатства.

Далее, если удавалось преодолеть страх и миновать темнокожих маджаями-нубийцев, взорам номархов или сегеров открывались сразу несколько галерей, по которым без усталости сновала многочисленная прислуга и важно прохаживались самоуверенные царедворцы и знатные просители, дожидавшиеся аудиенции у главного распорядителя дворца.

Галереи были обрамлены садом, где среди деревьев тут и там виднелись портики, призванные защищать обитателей дворца от дневного зноя, а также позволяющие уединиться

¹⁶ Так в Древнем Египте назывались Фивы.

¹⁷ В поздние времена город более известен как Гелеополис.

¹⁸ Сторожевые башни с плоскими крышами и стрельчатыми окнами.

¹⁹ Древнее название Египта. Точный перевод с древнеегипетского неизвестен, предположительно: Черная земля, ибо Нил разливался и обогащал землю плодородным илом, отчего та приобретала черный цвет.

²⁰ Эннада – это девять почитаемых богов: Атум, Ра, Шу, Тефнут, Геб, Нут, Осирис, Исида и Гор.

²¹ Египет делился на номы. Ном – единица административного деления, область. Соответственно, отсюда – номарх, правитель нома.

для приватной беседы. По всему периметру портиков стояли кадки с карликовыми акациями и пальмами, апельсиновыми деревьями и древовидными алоэ. Ярко-оранжевые тигровые лилии, благоухавшие на клумбах, наполняли раскаленный воздух приторно-сладким ароматом, от которого начиналось вскоре легкое головокружение.

Небольшой, но чрезвычайно живописный сад заканчивался дверью, ведущей в приемный зал, свод которого поддерживался двенадцатью колоннами. В зале царил прохлад. Окна, расположенные почти под самой крышей, спасали обитателей дворца от изнуряющей жары и палящего солнца.

Стены приемного зала были украшены несколькими искусными композициями. Так, одну из стен полностью занимала картина, изображающая запряженную двумя конями и мчащуюся во весь опор колесницу, в которой, прицеливаясь из лука, стоял в полный рост фараон Аменхотеп III. Ленты конской сбруи развевались от бешеной скачки, а перед колесницей лежали поверженные фараоном враги и звери. Фигуры неприятеля, изображенные на дальнем плане, висели на холмах, пронзенные египетскими стрелами. Там же лежали вповалку убитые лошади и опрокинутые колесницы. Верный пес фараона яростно грыз одного из врагов. За колесницей фараона неслись в три ряда – тоже на колесницах – его верные воины и охотники.

Еще совсем недавно эта композиция прославляла ливийский поход Тутмоса IV. Ни для кого не было секретом, что Аменхотеп, несмотря на свой достаточно уже зрелый возраст, так и не научился стяжению воинской славы, и потому, как и в случае с пилонами, облик умершего фараона был просто переписан рукой опытного придворного художника под его преемника. Так что теперь со всех стен приемного зала на сегеров и номархов гордо взирал сам Аменхотеп.

Противоположную стену, вдоль которой во множестве были установлены скамьи с разбросанными по ним мягкими подушками (дабы каждый обитатель дворца мог насладиться отдыхом и прохладой), украшала композиция, изображающая группу львов и львиц. Три крупных льва и один львенок были уже убиты, в лапу одного из животных впилась зубами собака. Львица отчаянно пыталась спастись, но ее низко опущенный язык и количество стрел, пронизывающих тело, свидетельствовали о смертельности ранения. Разъяренный лев, последний оставшийся в живых из стаи, мчался навстречу колеснице фараона, а тот уже хладнокровно натягивал тетиву лука. Идея композиции была понятна: меткий удар стрелы непременно сразит хищника наповал.

В центре зала, отделанном искусной мозаикой из белых, голубых и розовых лотосов, расположилась группа сановников, неспешно обсуждающих государственные дела.

Неожиданно со стороны отдаленных покоев послышались звон сistr²² и бряцание оружия. Спустя несколько мгновений в зал, в окружении охраны, слуги внесли паланкины, в которых восседали фараон Аменхотеп, царица Тея, их сыновья Тутмос и Эхнотеп и дочери Сатамон и Бакетамон²³. Никого из присутствующих сия процессия не удивила: солнцеподобное семейство ежедневно именно в это время суток отправлялось в храм Хепри-Ра-Атума для совершения вечернего бдения.

Тем не менее все царедворцы дружно пали ниц, ведь многие из них зачастую специально дожидались появления божественной четы, чтобы лишним раз выказать коленопреклонением всецелую свою преданность и безграничное почтение.

Если Тея хотя бы бросила беглый взгляд на распластавшуюся на мозаичном полу толпу подданных, то Аменхотеп, утомленный государственными заботами, не удостоил их даже

²² Сistr – аналог бубна.

²³ Доподлинно известно, что у фараона Аменхотепа III было шестнадцать дочерей от царицы Теи и наложниц. Вероятно, многие из них умерли во младенчестве, ибо в известных трудах, посвященных правлению фараона, наиболее часто упоминаются Сатамон и Бакетамон. Об остальных дочерях ничего не известно.

этого. Он лишь слегка кивнул своему преданному чати Хану, приказав тем самым следовать к дворцовым воротам через центральную галерею.

Минутами позже пышная процессия, состоявшая из множества паланкинов и плотно окруженная телохранителями гвардии Мефри²⁴, покинула дворец и свернула на дорогу, ведущую к храму Солнца.

* * *

В храме Солнца поклонялись сразу трем его ипостасям: Хепри – утреннему солнцу, олицетворением которого служил священный жук-скарабей, богу Ра – дневному небесному светилу и, наконец, аналогу заката демиургу Атуму – творцу всего живого на Земле и прародителю самого Ра. Дорога к храму пролегла по тенистой аллее, окруженной с обеих сторон рослыми акациями, поэтому на протяжении всего пути членов божественного семейства сопровождал приятный аромат бледно-лимонных цветков этих чудесных растений. Даже когда процессия свернула на выложенную темно-красным гранитом дорожку, ведущую к храму, всех ее участников все еще продолжали преследовать нежные акациевые флюиды...

Тутмос выглянул из своего паланкина, пытаясь разглядеть Камоса, шествующего в рядах особо приближенных к фараону царедворцев. Когда взгляды друзей встретились, молодой сегер изобразил притворный тяжелый вздох, намекая тем самым, что необходимости вечерней молитвы в храме он предпочел бы сейчас заведение Рафии и объятия юных прелестниц.

Понимающе улыбнувшись, Тутмос тем не менее попытался сосредоточиться на предстоящем священном бдении, но, увы, тщетно: его мысли тоже витали далеко отсюда... «В конце концов, – успокоил он свою совесть, – я и без того ежевечерне сопровождаю отца в храм Солнца, где изо дня в день наблюдает одно и то же действие».

В этот момент процессия достигла наконец храмовых ворот.

Пространство храма было ориентировано с запада на восток, а само здание – окружено стеной с воротами в виде пилона. Венчающие его башни радовали взгляд обилием мачт и флагов с изображенными на них солнечными дисками с отходящими от них лучами, имеющими вид многочисленных рук. Сразу за пилоном располагался колонный зал с отделанной листами тончайшего золота статуей Атума. По обеим сторонам от входа в храм высились статуи покойного фараона Тутмоса IV и ныне здравствующего Аменхотепа III.

Служение в храме происходило трижды в день: на рассвете, в полдень и – силами жрецов – на закате, когда прибывала семья фараона.

Солнцеподобные отпрыски, шустро покинув свои паланкины, заняли надлежащие им места на специальной площадке перед статуями Ра и Атума. Хепри, восходящее солнце-скарабей, изображено было на храмовых росписях позади статуй богов, высеченных из бежевого и розового травертина. Из-за склона розовой горы, цвет которой символизировал одновременно и цвет зари, и цвет горной вершины, выплывала искусно выписанная художниками небесная ладья вечности – лодка, в которой, согласно священным писаниям, Ра каждодневно перевозит солнечный диск с одного берега на другой. Над ладьей парило новорожденное солнце – с изображенной внутри головой барана стилизованный бордовый диск, который катил по небу жук-скарабей Хепри. Навстречу восходящему светилу раскрывал лепестки лотос, священный павиан²⁵, приветствуя новый день, издавал ликующий крик...

²⁴ Личная гвардия фараона.

²⁵ Павианы считались священными животными Тота, бога мудрости. Это является символом того, что Ра дарует земле свет и мудрый миропорядок.

Далее – по воле Атума – Солнце уходило на ночной покой. Последние лучи света робко проникали через специальное отверстие, мастерски изображенное над статуями Ра и Атума. Но вот световой поток снова набирал силу и устремлялся прямо на алтарь, на котором уже в изобилии лежали овощи, фрукты, дичь и цветы, загодя приготовленные служителями храма.

Лучи заходящего солнца озарили увенчанную клафтом с уреей голову демиурга, и золотой священный анх, олицетворяющий вечность и расположенный прямо над уреей, начал переливаться отраженным светом...

Аменхотеп, сжимая в правой руке кадила с благовониями, приблизился к алтарю. В такие моменты он особенно остро ощущал свое божественное предназначение: его переполняли безмерная гордость и осознание того, что этот всесильный и почитаемый соотечественниками демиург, творец всего сущего на древней Египетской земле Та-Кемет, – его прародитель.

Тея и ее дочери взяли в руки систры – бубенцы в виде металлических ободков – и принялись заученно бряцать ими в такт музыке (музыканты, расположившиеся в специально отведенной для них нише, сразу по прибытии солнцеподобного семейства заиграли на арфах, флейтах и лютях).

Главная храмовая певица Тахем-эн-Мут, приблизившись к изваянию Атума, встала рядом с фараоном и бросила на него вопросительный взгляд. И стоило только Аменхотепу несколько раз качнуть кадила, как аромат экзотических благовоний тотчас распространился по храмовому залу.

– О, Атум, давший нам жизнь! – произнесла нараспев Тахем-эн-Мут, и жены советников, во главе с Теей и ее дочерьми, дружно подхватили текст молитвы в такт музыке: – Ты прекрасен и велик, блестящ и высок над каждой страной! Твои лучи ласкают землю...

И тут же по залу храма разнесся зычный голос фараона:

– Я – Атум, существующий и единый. Я – Ра в его первом восходе. Я – великий бог, создавший себя сам. Я был вчера; я знаю завтрашний день.

Женщины еще энергичнее затрясли систрами в такт священной музыке, а жрецы и мужчины-придворные, увидев в правящем фараоне чудесное перевоплощение в могущественного демиурга, пали перед Аменхотепом ниц.

Спустя какое-то время к Аменхотепу приблизился Ранеб – Верховный жрец храма и всего Инебу-Хеджа.

– Прошу вас, о наше новое солнце, проследовать за мной, дабы еще более умиливать Атума, – тихо, но многозначительно произнес он.

Аменхотеп невольно вздрогнул. В последнее время ему все чаще казалось, что от Ранеба исходит пусть скрытая, но все же вполне ощутимая угроза... Однако разве можно на основании одних только внутренних ощущений и ничем не подкрепленных подозрений упрекнуть либо обвинить Верховного жреца в чем-либо?...

Сочтя благоразумным повиноваться приглашению (в данном случае – совершенно безобидному), Аменхотеп проследовал за Ранебом в специальный дворик, где тот предусмотрительно приказал разместить на алтаре самые крупные туши телят и быков.

Внутренний дворик храма выглядел совсем небольшим: вмещал лишь статуи Ра и Атума (правда, размерами примерно в человеческий рост) да жертвенный алтарь с тушами животных. За изваяниями богов поблескивал на стене золотистый скарабей.

Ранеб, сняв с пояса жертвенный нож и вонзив его в тушу ближайшего теленка, начал размеренно произносить слова каждодневного покаяния.

Аменхотеп привычно вторил жрецу:

– Я не делал зла людям. Я не причинял боли людям. Я не заставлял никого голодать. Я никого не убивал. Я не приказывал убивать. Я приносил щедрые пожертвования храмам. Я не наносил порчу созревающим хлебам. Я не убивал священных животных²⁶...

²⁶ Священными животными в Египте считались кошки, которые олицетворялись с богиней радости Баст, и павианы, символизирующие мудрость бога Тота.

Глава 4

Вечерняя молитва завершилась. Аменхотеп вернулся в свой паланкин в весьма подавленном настроении: его по-прежнему не покидало чувство нарастающей неприязни по отношению к Верховному жрецу.

Тот же, по обыкновению, был спокоен и уверен в себе. Ранеб вот уже почти тридцать лет занимал пост Верховного жреца Инебу-Хеджа, получив его еще двадцатилетним юношей благодаря незаурядному уму и способностям к прорицанию. Тутмос IV безгранично доверял Ранебу, но незадолго до своей кончины понял, что опрометчиво наделил жрецов слишком уж большой властью. Ибо те, воспользовавшись своим привилегированным положением, стали все чаще вмешиваться в государственные дела и присоединять к своим вотчинам-храмам все больше казенных земель. В итоге в храмах таких крупнейших городов, как Инебу-Хедж, Ону, Аварис, Хемену, Уасет и Абидос, скопились несметные богатства. Собственно, именно тогда Тутмос IV и начал проявлять беспокойство, ведь, как известно, у кого богатство – у того и власть. Перед смертью он успел поделиться своими опасениями по этому поводу с преемником – сыном Аменхотепом, и теперь тот буквально кожей ощущал опасность, исходящую от Ранеба.

Аменхотеп задернул прозрачный полог паланкина и погрузился в тягостные размышления. Мысли нещадно путались в голове божественного отпрыска, но он все более склонялся к принятию решения о подписании указа, ограничивающего власть жрецов, а также о взимании с храмов дополнительных податей в пользу государственной казны. Дело оставалось за малым: поддержат ли его сановники? А вдруг побоятся вступить в конфликт с могущественными жрецами? Аменхотеп тяжело вздохнул: ответов на эти вопросы он пока не знал...

* * *

Тея, перед тем как расположиться в паланкине, отыскала глазами старшего сына – тот оживленно беседовал о чем-то с Камосом. По выражению лиц молодых людей царица догадалась, о чем именно, и мысленно улыбнулась.

Камос изъявил желание отправить жену Сепати домой вместе с отцом и матерью, благо те искренне благоволили к молодой невестке. Правда, Мемес на всякий случай поинтересовался причиной такого решения сына, но тот от прямого ответа ловко ускользнул. Зато Таусер, как женщина проницательная, сразу догадалась, куда именно собирается ее Камос: от материнского внимания не ускользнули его многозначительные переглядывания с юным эрпатором. Благоразумно решив не вмешиваться в дела мужчин, Таусер поспешила увлечь Сепати в свой просторный паланкин. Мемес же, как и положено преданному сановнику, весь путь до храма Хепри-Ра-Атума прошагал пешком, не отходя от паланкина фараона, и теперь готовился проделать то же самое.

Наконец процессия двинулась в обратный путь. Камос приблизился к паланкину Тутмоса, и тот жестом пригласил друга занять место подле него. Паланкин эрпатора оказался достаточно просторным даже для двоих: в нем можно было не только сидеть, но и возлежать на подушках. Что, собственно, молодые люди и сделали.

Вооруженные до зубов телохранители-маджаи с блестящей, цвета бронзы кожей заняли свои места подле паланкина эрпатора, и четыре чернокожих носильщика привычным движением тотчас его подхватили.

* * *

Маджаи-телохранители прекрасно знали, где располагается заведение госпожи Рафии, поэтому, быстрым шагом миновав дорожку, выложенную красным гранитом, уверенно повернули к городу. Вскоре паланкин эрпатора проплыл мимо храма Птаха – покровителя Инебу-Хеджа. Камос выглянул из-за полога и, повернув голову вправо, отчетливо различил, несмотря даже на сгущающиеся сумерки, три небольшие статуи и каменные плоские алтари перед каждой из них.

На алтарях лежали щедрые подношения местных жителей: каждый старался в меру своих возможностей задобрить покровителя родного города. Птах почитался еще и как покровитель ремесел и живописи. Именно поэтому возле храма, вплоть до захода солнца, всегда толпились ремесленники, молодые художники и начинающие зодчие. Ну и, конечно же, крестьяне, вымаливающие у Птаха успеха в деле, у Сехмет, его жены, – мира, а у Нефертума, их сына и бога растительности, – богатого урожая. Последнему приносили в дар в основном чаши, наполненные водой с плавающими по ее поверхности белыми лотосами.

Паланкин эрпатора проследовал в город. Дорога теперь шла по широкой улице, где за высокими каменными оградами прятались – в тени тамариндов, пальм, акаций и смоковниц – дома зажиточных горожан.

Последнюю половину пути Тутмос и Камос хранили молчание, думая каждый о своем. Когда же за пологом паланкина показался дом, принадлежавший второму советнику, Камос тяжело вздохнул и сказал с печалью в голосе:

– Счастливчик! Второй советник имеет возможность хотя бы изредка насладиться тишиной своего поместья...

Тутмос удивился:

– Тебе не нравится жить во дворце? Мне казалось, что ваша семья занимает самые лучшие покои!..

– О, да! – легко согласился Камос. – Покои моего отца лучше покоев самого Хану! Хотя тот – главный чати фараона.

– Тогда отчего я слышу грусть в твоём голосе? – продолжал недоумевать Тутмос.

– Видишь ли, друг мой эрпатор, иногда очень хочется уединиться с женой не в дворцовых покоях, а в собственном доме.

Тутмос пожал плечами:

– Мне не понятно твоё желание... Скажи, что прислать тебе в твои покои, и я тотчас отдам приказ об удовлетворении любого твоей прихоти!

– Благодарю тебя, эрпатор. Но я уже поделился с тобой своим желанием...

– Уединиться с Сепати?... В собственном доме? – удивленно переспросил Тутмос.

– О, да, благородный эрпатор.

– Воистину твоя любовь к жене не знает границ! – воскликнул в восхищении Тутмос. – Неужели и я смогу когда-нибудь полюбить женщину так, как ты?!

Камос улыбнулся, с нежностью вспомнив о жене. Если бы не обещание, данное царице, он с большим удовольствием провел бы сегодняшнюю ночь в сладчайших объятиях Сепати и на супружеском ложе, а не в доме Рафии в обществе одной из служительниц богини Хатхор. У него было достаточно времени до женитьбы, дабы пресытиться ласками жриц любви. Теперь же он желал только Сепати. Помимо взаимного чувства любви и пылкой страсти друг к другу Камос обрел в жене еще и верного друга. Ему нравилось подолгу разговаривать с Сепати: она поражала его не только своими глубокими знаниями, но и смелостью суждений. В такие минуты Камос был благодарен судьбе, а точнее – своему отцу, который как умуд-

ренный жизненным опытом родитель и истинный мужчина решительно настоял при выборе жены для сына именно на кандидатуре Сепати.

С семьей Сепати Менеса связывала многолетняя дружба. Девушка принадлежала к влиятельному роду номарха Анеджети, повелителя Ону. Когда Сепати достигла брачного возраста, Менес, в очередной раз посетив Ону и по традиции заглянув к старым друзьям, мгновенно оценил как ее женские прелести, так и незаурядный ум. И теперь Камос время от времени с чувством стыда вспоминал, сколь долго и упорно противился он тогда женитьбе на Сепати, поскольку в ту пору ему нравилась другая прелестница – тоже из знатного семейства, но уроженка Инебу-Хеджа.

Усилием воли отогнав воспоминания, Камос вернулся к реальности и наконец ответил Тутмосу:

– Безусловно, эрпатор! И она непременно ответит тебе взаимной любовной страстью.

Тутмос рассмеялся:

– Да ты просто дразнишь меня, Камос! Специально разжигаешь мой пыл перед посещением... – Неожиданно его голос посерьезнел: – Скажи, а в том доме, куда мы сейчас направляемся... Ну, словом, будут ли там сегодня жрицы из храма Хатхор? – добавил он, окончательно смутившись.

– Всенепременно, Тутмос! – убежденно произнес сегер. – Причем самые лучшие! И ты сможешь выбрать любую из них.

– А ты... ты мне поможешь?...

Камос понимающе улыбнулся:

– Если у вас, о досточтимый эрпатор, возникнет желание овладеть какой-либо из жриц, боюсь, моя помощь не понадобится.

Неожиданно Тутмос заволновался:

– Надеюсь, хозяйка дома не узнает, кто я?...

– Конечно же, нет! Не переживай по этому поводу! Хозяйка-Рафия не грешит проявлением излишнего внимания к посетителям своего заведения. Я предупредил ее, что прибуду с близким другом, якобы сыном весьма состоятельного сегера. Так что когда она услышала звон серебряных драхм, то ради приличия поинтересовалась лишь именем гостя.

– И кем же, интересно, ты меня представил?

– Я придумал тебе имя Тати.

– Тати?! – не сдержал удивления Тутмос. – Но почему именно Тати? Это имя более подходит несмышленому мальчишке, нежели зрелому мужчине!

– Отнюдь, о благородный эрпатор! Если напряжешь свою память, то непременно припомнишь, что лет пятьсот назад Египтом правил как раз фараон по имени Тати.

– Хорошо, убедил. Впрочем, это, в конце концов, не так уж и важно. Думаю, не случится ничего страшного, если на один сегодняшний вечер я перевоплощусь в Тати...

* * *

Улица, где располагались увеселительные дома для богатых горожан, выглядела весьма респектабельно. Фасады практически всех зданий были украшены росписями, изображающими богиню любви и веселья Хатхор в окружении танцовщиц.

Паланкин Тутмоса приблизился к одному из таких домов. Ворота тотчас распахнулись, и гости очутились в тенистой аллее, образованной смоковницами, перемежающимися с душистыми акациями.

На пороге дома появилась женщина средних лет, одетая в темно-синий хитон, перехваченный по талии замысловатым золотым поясом. Ее шею и запястья украшали ярко поблес-

квивающие, даже в вечернем свете, массивные украшения, усыпанные драгоценными камнями. Собственно, это и была Рафия, хозяйка увеселительного заведения.

Камосу, равно как и другим завсегдатаям «Дома с акациями» (так они называли между собой заведение Рафии), жизненная история хозяйки давно и хорошо была известна. Будучи совсем еще юной девушкой, Рафия волею судеб оказалась в числе наложниц одного из сегеров, который, несмотря на довольно уже почтенный возраст, по-прежнему был весьма охоч до женских прелестей. Девушек своих старик не обижал, однако когда спустя несколько лет он скоропостижно скончался, Рафия как третья по счету наложница осталась практически без средств к существованию. По счастью, природа наградила ее завидной предприимчивостью: она одолжила нужную сумму у ростовщика и, воспользовавшись старыми знакомствами (бывший хозяин неоднократно представлял ее своим друзьям – знатным сановникам и зажиточным сегерам), открыла увеселительное заведение для любителей плотских утех. Поначалу Рафия не гнушалась обслуживать посетителей и сама, то есть трудилась практически наравне с нанятыми ею девушками. Но, по счастью, вскоре дела ее пошли в гору, и с некоторых пор она оставила за собой лишь статус «почтенной хозяйки заведения».

Тутмос с любопытством разглядывал женщину, приближающуюся к паланкину. Та оказалась высокой и стройной, а при ближайшем рассмотрении – еще и хорошо сохранившей остатки былой красоты.

Телохранители-маджаи молча расступились перед подошедшей женщиной, пропуская ее к паланкину.

– Благородные сегеры! – произнесла хозяйка приятным, доброжелательным голосом. – Спешу сообщить вам, что чрезвычайно рада видеть вас в своем доме.

Камос исподволь бросил на нее многозначительный взгляд, как бы напоминая о достигнутой накануне договоренности.

– Мы тоже приветствуем тебя, Рафия, – произнес он вслух, – и благодарим за гостеприимство.

Рафия улыбнулась:

– О, господа! Благодарить будете, когда увидите красавиц богини Хатхор. Поверьте мне на слово, они бесподобны!

Камос оставил замечание хозяйки без ответа, ибо хорошо еще помнил любовные ласки жриц, способные довести любого мужчину, независимо от возраста, до иступления. При этом сегер подозревал, что для усиления своих чар девушки используют специальные любовные напитки и ароматические благовония.

Мысленно он уже представил, что произойдет сегодня с Тутмосом. «Выдержит ли эрпатор по неопытности сразу три-четыре любовных соития? Или мне все-таки предупредить Рафию, чтобы она пощадила тау²⁷ „юного сегера“?.. Мало ли что может случиться с наследником трона от перевозбуждения?! Царица Тея не простит мне подобной оплошности: тогда – прощай, дворец Инебу-Хедж! В лучшем случае придется перебраться в Ону, под крыло Анеджети... Да, но захочет ли номарх принять опального зятя?»

Камос исподволь взглянул на эрпатора: тот не производил впечатление слабака. Юноша был отлично сложен и физически силен, ибо жрецы, занимавшиеся его воспитанием, уделяли внимание не только духовному состоянию своего подопечного, но и красоте его тела.

Маджаи помогли Тутмосу выйти из паланкина. Рафия окинула юношу профессионально опытным взглядом, и, разумеется, от ее внимания не ускользнул браслет в виде уреи, украшавший его предплечье. «Украшения подобного рода вправе носить только отпрыски

²⁷ Так в Древнем Египте назывался половой орган мужчины.

божественной семьи, ведь урея²⁸ – символ фараонов! – тотчас пронеслось у нее в голове. – Неужели этот красивый юноша... сын фараона?! Похоже, что так оно и есть... Да и возраст совпадает: судя по всему, ему сейчас лет четырнадцать-пятнадцать, не более... И наверняка юноша желает сохранить посещение моего заведения в тайне от своих солнцеподобных родителей!» В первый момент Рафия испугалась осенившей ее догадки, но решив, что это сами боги прислали ей столь высокопоставленного отпрыска, быстро успокоилась. «В конце концов, если все пройдет удачно, – резонно рассудила женщина, – я даже, возможно, смогу рассчитывать на его покровительство в дальнейшем. Ибо рано или поздно стоящий сейчас передо мной молодой человек станет фараоном...»

– Прошу вас, благородные сегоеры, следовать за мной, – произнесла Рафия как можно любезнее, стараясь ничем не выдать охватившего ее волнения.

Вход для гостей располагался на северной стороне дома. На известняковом обрамлении двери, на самом верху, было высечено имя владелицы, Рафии. Заполненные голубой пастой иероглифы отлично гармонировали с желтым оттенком местного камня, пошедшего на изготовление дверного обрамления. Под именем владелицы значился род ее занятий («Хозяйка увеселительного заведения»), а завершался высеченный в известняке текст двумя краткими молитвами: одна из них посвящалась богу Ра, другая – богине Хатхор.

Юноши прошли вслед за хозяйкой внутрь длинной комнаты-веранды, одна боковая сторона которой представляла собой огромное окно, искусно задрапированное богатой тканью. Противоположную же стену украшали восемь деревянных колонн, окрашенных в коричневый цвет и стилизованных под стволы молодых тамариндов. Пространства между колоннами были заполнены резными скамеечками, обильно снабженными разноцветными мягкими подушечками. Видимо, сии удобства предназначались для гостей заведения, дабы те могли приятно провести минуты отдыха, наслаждаясь вечерней прохладой либо укрываясь за плотными шторами от дневной жары.

Стены веранды, окрашенные в спокойный бледно-голубой цвет, подействовали на обоих юношей умиротворяюще. Тутмос, хотя и был изрядно взволнован, обратил даже внимание на широкий декоративный фриз из лепестков розового лотоса, нежно проступающих на зеленом фоне.

Наконец хозяйка провела гостей в приемный зал, где их тотчас обволокло нежнейшим ароматом цветов. О, Камосу был прекрасно знаком сей волшебный и неповторимый запах! «Видимо, именно этот аромат, в сочетании со здешним вином, и обостряет плотские желания», – вновь подумалось ему.

Потолок зала поддерживался четырьмя декоративными колоннами, увитыми гирляндами из васильков и маков. Окна, расположенные почти под потолком, дабы избежать проникновения в помещение раскаленного воздуха, практически не давали света, поэтому зал дополнительно освещался лампами, наполненными кунжутным маслом²⁹.

Нарядность интерьера зала довершали многочисленные изображения цветов и плодов, увитых лентами, щедро нанесенные в простенках между окнами талантливой рукой безвестного художника. По стыку стен и потолка шел декоративный фриз из чередующихся между собой бутонов и цветков лотоса. Сам же потолок, окрашенный в ярко-синий цвет, был замысловато расписан сложными геометрическими орнаментами.

²⁸ Слово «урей» происходит от древнеегипетского «ур», что означает «высокий, возвышенный».

²⁹ Кунжутное масло было очень дорогим и доступно только весьма состоятельным людям. Считалось, что кунжутное масло не дает резкого запаха и нагара, оседающего на расписных стенах помещений.

Кроме того, в приемном зале имелось несколько ниш, в которых располагались статуэтки богинь Хатхор, Сатис и карлика Бэса³⁰. Перед статуэтками стояли небольшие – в виде каменных сосудов – алтари, куда хозяйка вкладывала папирусы с молитвами.

Здесь же, в зале, находились небольшой бассейн для омовений и место для гостей – специальное возвышение, украшенное темно-красным балдахинном. На едва тлеющих углях жаровни, расположенной недалеко от гостевого возвышения, курились благовония, распространяющие по залу тот самый коварный цветочный аромат, одурманивающий любого – хоть искущенного мужчину, хоть неопытного юношу.

Из зала хорошо просматривалось небольшое соседнее помещение с лестницей, ведущей на крышу: некоторые посетители заведения Рафии предпочитали предаваться любовным безумствам в расположенных на плоской крыше дома шатрах, благо одновременно можно было наслаждаться вечерней прохладой и пением цикад.

По приглашению хозяйки эрпатор и сегер разместились на мягком ложе, усыпанном множеством маленьких подушечек и оснащенном спускающимся мягкими складками балдахинном. От волнения Тутмос почувствовал легкое головокружение, но постарался придать как лицу, так и позе выражение расслабленного равнодушия. Однако когда к их ложу приблизились две молоденькие девушки-прислужницы, грациозно державшие в руках серебряные подносы с многочисленными яствами, от напускного равнодушия Тутмоса не осталось и следа: он снова заметно занервничал.

В этот момент к гостям, с кувшином вина, подошла и Рафия.

– Благородные сегеры, прошу вас отведать нашего традиционного напитка, – нараспев произнесла она приятным мелодичным голосом, тембр которого лет десять-пятнадцать назад наверняка мог свести с ума любого мужчину. – Убедитесь сами: его вкус выше всяческих похвал!

Тутмосу же, однако, было сейчас не до угощения: он буквально поедал глазами юных прислужниц. Что и говорить, девушки были несказанно хороши собою: стройные, с нежной блестящей кожей и миловидными чертами лица. Тончайшие хитоны, небрежно перехваченные по талии золотыми ремешками, имели глубокие, чуть ли не до пояса, разрезы, и воспаленному воображению эрпатора тотчас представились прекрасные длинные ноги. С невероятным трудом юноша подавил в себе вожделение, сглотнув подступивший к горлу комок.

Девушки, словно уловив сокровенные мысли юноши, специально начали выставлять принесенные яства на низкий резной столик с излишней медлительностью и склонившись так, чтобы оба гостя могли различить под тончайшей тканью их одежд соблазнительные упругие груди, подобные спелым налитым яблокам.

Тутмоса с головы до ног пронзила дрожь нетерпения и возбуждения. Ему захотелось немедленно вскочить с гостевого ложа, приблизиться к любой из девушек, сорвать с нее хитон и жадно впитаться губами в манящую сочную грудь и, словно из божественного магического сосуда, утолить наконец свою любовную жажду.

Даже Камос, посещавший сие заведение уже неоднократно, начал терять над собой контроль, все более увязая в ловушке, ловко расставленной хозяйкой. Исходя из собственного опыта, он заранее знал, чем закончится предстоящая трапеза, но решил не делиться своими знаниями с Тутмосом: как говорится, всему свое время...

Едва юноши испили по бокалу вина и приступили к стоящим перед ними изысканным яствам, как в зал вошли музыканты и, почтительно поклонившись гостям, заняли надлежащие им места подле бассейна. Первой мелодично зазвучала флейта. Затем струн своего инструмента коснулась длинными тонкими пальцами девушка-арфистка – не менее соблазнительная, чем неслышно покинувшие гостей прислужницы.

³⁰ Сатис – богиня прохладной воды, Бэс – покровитель дома, домашнего очага и семьи, изображался в виде карлика.

Эрпатор и сегер утонули в нежном облаке волшебных музыкальных звуков. Тутмос почувствовал умиротворение: возбуждение и нетерпение исчезли сами собой. Но, как оказалось, ненадолго...

Неожиданно на фоне дивной мелодии послышался звон сегатов и браслетов, традиционно украшавших запястья и лодыжки танцовщиц, и вслед за этим из соседнего помещения выпорхнули и сами обладательницы сих звонких украшений. Взорам гостей предстали пять служительниц богини Хатхор. Лица и фигуры девушек были скрыты прозрачными и длинными, почти достигавшими пола накидками. Тутмоса вновь охватило возбуждение.

Вслед за танцовщицами в зале появились очередные два музыканта, причем совсем еще мальчики. Оба сжимали в руках небольшие барабаны, используемые, как правило, для придания танцу более энергичного ритма. Подсев к флейтисту и соблазнительной арфистке, мальчики начали умело выбивать из своих инструментов ритмичную барабанную дробь. Флейта и арфа мастерски вторили им.

Девушки в прозрачных накидках приступили к танцевальному действию. Сначала они двигались в такт музыке настолько неспешно, что их сегаты и браслеты издавали лишь едва слышное нежное позвякивание. Фигуры под окутавшими их, словно воздушная дымка, длинными покрывалами были практически не различимы. Но когда музыканты ускорили темп музыки, жрицы, как по команде, скинули с себя накидки, открыв взорам гостей-юношей свои молодые и прекрасные обнаженные тела...

Тутмоса бросило в жар: он впервые видел совершенно нагих девушек, да еще и столь божественно сложенных! Камос изо всех сил старался выглядеть в глазах друга спокойным и невозмутимым – как-никак, ему наблюдать подобные зрелища не впервой! – но и он почувствовал, сколь сильно напряглась его мужская плоть.

Танец все более убыстрялся: девушки то кружились в завораживающем вихре, то неистово вращали бедрами, то грациозно выписывали стройными ногами лишь одним им понятные магические фигуры, составляющие часть ритуала обольщения. Их упругие полные груди призывно покачивались в ритме танца, а длинные черные волосы, плавно струясь по молодым нежным телам, напоминали морские волны.

Наконец барабаны смолкли. После бешеного ритма жрицы задвигались плавно, если не сказать – медленно: теперь зал заполняли единственно лишь нежные звуки арфы и флейты. Вскоре девушки опустились на колени прямо перед возвышением, на котором восседали гости, и начали нежно и одновременно страстно ласкать... друг друга.

Тутмос впился ногтями в одну из подушек, готовый вот-вот разодрать ее на множество мелких кусочков от охватившего его неистового возбуждения. Камос тоже задышал гулко и учащенно, едва справляясь с бушующим во всем теле плотским желанием. Неожиданно раздался вкрадчивый голос Рафии, появившейся, словно бесплотный дух, позади обольстительниц:

– Не угодно ли благородным сегерам сделать выбор?

– О, да! – первым откликнулся Тутмос, буквально уже содрогаясь от возбуждения. – Я желаю вот эту девушку! – он жестом указал на одну из жриц.

Та тотчас поднялась с колен и благодарно поклонилась:

– Вы не пожалеете о своем выборе, господин Тати.

Камосу же, по большому счету, было совершенно неважно, с которой именно из жриц уединиться: он давно уже знал, что в любовных ласках все они настолько искусны, что с любой из них он запросто вновь окажется в райских кушах Иару.

– Я приготовила для вас шатры наверху, но прежде... – с этими словами Рафия трижды ударила в ладоши, и в зал немедленно вошла одна из прежних прислужниц, держа в руках небольшой поднос со стоящими на нем двумя чашами. – Но прежде, дорогие гости, испейте

этого напитка: он поможет вам испытать сегодняшней ночью воистину божественное наслаждение Хатхор!

Камос покорно протянул руку и, когда прислужница подала ему одну из чаш, залпом осушил ее. Тутмос, однако, медлил. Рафия, видя его замешательство, мягко пояснила:

– Это всего лишь вино, господин Тати. Будучи изготовлено в храме Хатхор, оно придает мужчинам сил и обостряет их желания.

Эрпатор вопросительно взглянул на сегера. Тот утвердительно кивнул и для пущей убедительности добавил:

– Я пью этот напиток уже в четвертый раз.

Поколебавшись, Тутмос все-таки принял от прислужницы протянутую чашу и осторожно пригубил вино. Оно оказалось весьма терпким, но очень приятным на вкус. Уже после второго глотка у юноши появилось желание поскорее осушить чашу до дна.

Стоило ему вернуть опустошенный сосуд прислужнице, как к нему тотчас приблизилась жрица. Эрпатор уловил нежный аромат ее кожи и робко коснулся сначала роскошных и длинных распущенных волос, волнами спускающихся почти до колен, а потом и соблазнительной, упругоподатливой груди...

– В отличие от знатных египтянок, жрицы Хатхор не сбывают волосы и не носят париков, – зачем-то пояснила девушка. Но тут же томно, с придыханием, позвала: – Идемте же, мой господин...

Жрица уверенно увлекла эрпатора к лестнице, ведущей на крышу, и вскоре они уединились в небольшом шатре. Камос со своей «избранницей» последовали их примеру.

Этой ночью Тутмос трижды посетил райские кущи Иару...

Глава 5

На протяжении нескольких дней Тутмос находился под впечатлением ночи, проведенной в заведении Рафии. Он снова и снова вспоминал ласки, щедро подаренные ему жрицей. При одной только мысли о них его тау невольно напрягался...

Наконец юноша не выдержал и отправился за советом к матери. Когда он вошел в ее комнату, та предавалась своему излюбленному занятию: только что, видимо, совершив утреннее омовение в небольшом бассейне, расположенном тут же, в ее покоях, возлежала на травертиновом ложе, а вокруг нее хлопотали прислужницы: натирали влажную еще кожу всевозможными маслами и благовониями.

– Что привело тебя ко мне в столь ранний час, сын мой?! – воскликнула удивленно Тея.

Тутмос почтительно поклонился.

– Прости меня, о, божественная, если побеспокоил! Просто мне захотелось поговорить с тобой...

Проницательная женщина заметила уже, конечно, перемены, произошедшие с сыном несколько дней назад: он еще более возмужал, его голос приобрел уверенные и порой даже жесткие, повелительные нотки.

– Говори. Я готова выслушать тебя, – Тея глазами указала на скамеечку, стоявшую подле нее.

– Я хочу взять наложницу! – едва присев, сходу выпалил эрпатор.

Тея понимающе улыбнулась.

– А почему бы и нет, сын мой?! Тебе уже исполнилось пятнадцать лет – самое время, чтобы начать постигать прелести любви между мужчиной и женщиной.

– А могу ли выбрать наложницу по своему желанию? – Тутмос пристально посмотрел на мать.

Царица слегка растерялась. Затем, подав прислужницам знак удалиться и оставшись наедине с сыном, приподнялась, прикрывая наготу покрывалом, с травертинового ложа и села, опустив ноги на мозаичный пол.

– А тебе известно, Тутмос, что членам царской семьи надлежит выбирать наложниц из уроженок Абидоса? – осведомилась Тея, стараясь сохранять спокойствие. – Это очень давняя традиция, уходящая своими корнями в глубь веков, и никто еще из мужчин твоего рода не позволил себе нарушить ее...

– Я согласен, о, божественная, что женщины Абидоса, безусловно, красивы и любвеобильны, но...

Тея удивленно вскинула брови:

– Ты не желаешь делить свое ложе с девушкой из Абидоса?

– Не желаю... – признался, опустив голову, Тутмос.

– Но тогда на кого же пал твой выбор?! Назови мне ее имя! – мать-царица пришла в неподдельное волнение.

– Ты ее хорошо знаешь, о, божественная. Ее имя – Нефрури.

– Что?! Тебе посмела вскружить голову эта дерзкая девчонка?! Дочь командира дворцовой стражи?! – голос Теи дрожал от негодования. – Ни один сын фараона, наследник трона, никогда еще не брал в наложницы дочерей стражников, пусть даже облеченных доверием своих повелителей!

– Что ж, тогда я буду первым, – решительно заявил Тутмос, вскинув голову и посмотрев матери прямо в глаза.

– Твой сын от наложницы может стать впоследствии прямым наследником престола! Ты подумал об этом? – царица предприняла попытку воззвать к разуму эрпатора. – К тому же,

насколько мне известно, Нефрури до сих пор невинна! Ну посуди сам: какое удовольствие она сможет доставить тебе как мужчине своею неопытностью?!

– Достаточно того, что я – мужчина и что я так решил! – в голосе Тутмоса отчетливо прозвучали металлические нотки.

По инерции Тея хотела было привести еще какие-нибудь веские доводы, но, услышав тон сына, невольно осеклась. На мгновение она даже пожалела, что поручила Камосу отвести ее сына в заведение Рафии.

Эрпатор меж тем решительно поднялся и объявил:

– Я отправлюсь к Солнечному Горы³¹.

– Зачем?! – недоуменно воззрилась на него Тея.

– Хочу поделиться с ним кое-какими своими мыслями... – уклончиво ответил юноша.

– Но нашему повелителю сейчас недосуг заниматься наложницами! В Эритрее снова волнения! – с жаром воскликнула царица.

– Хорошо, о, божественная, тогда я отложу свой визит, – покорился сын. – Поговорю с ним позже...

* * *

Тея, не найдя в себе сил противостоять собственному сыну, уступила в итоге его желанию, и вскоре четырнадцатилетняя Нефрури не только стала наложницей Тутмоса, но и понесла от него в положенный срок ребенка.

Аменхотеп, владыка Нижнего и Верхнего Египта, постоянно пребывал теперь в удрученном состоянии, поскольку жрецы продолжали укреплять и расширять свою власть в самых крупных городах царства – Абидосе, Амарне, Напате и Уасете. Известие о том, что Нефрури ждет от Тутмоса ребенка, фараон воспринял на удивление сдержанно. Как мужчине ему был понятен выбор сына – Нефрури действительно была чрезвычайно мила и хороша собою. Разве что излишне робка и немногословна. Но, исходя из собственного жизненного опыта, Аменхотеп прекрасно знал, что наложница навсегда останется всего лишь наложницей, поэтому не разделял страхов и переживаний супруги по поводу решения сына. Да и Джеру, начальнику дворцовой стражи и отцу Нефрури, фараон доверял безгранично.

Гораздо более Аменхотепа волновали сейчас совсем другие проблемы. Так, из-за усиления в Египте влияния жрецов он стал опасаться направленного против него заговора с их стороны, а то и отравления ядом. По счастью, Джер, безмерно довольный тем, что его единственная дочь удостоилась чести делить ложе с самим наследником фараона, нес свою службу безукоризненно. Во всем, что касалось безопасности фараона, ему не было равных. Джер настолько хорошо разбирался в людях, что с первого же взгляда мог безошибочно определить, кому из них стоит доверять, а кому – нет.

В конце концов с выбором старшего сына смирилась и Тея. Тутмос же с нетерпением ждал теперь появления на свет своего первенца, благо придворный врач заверил его, что, судя по всем признакам, непременно родится мальчик.

Весть о том, что наложница эрпатора Нефрури носит под сердцем ребенка мужского пола и, следовательно, будущего наследника трона, разлетелась вскоре не только по дворцу, но и по всему Инебу-Хеджу. Местные женщины тотчас понесли щедрые дары богине Исиде, почитаемой в качестве матери-прародительницы, и богине Месхенет, помогающей, как известно, при родах.

³¹ «Солнечный Гор», или «Золотой Гор», – так называли фараона в кругу семьи, тем самым подчеркивая его божественное происхождение.

Однако не все обитатели дворца и Инебу-Хеджа радовались скорому прибавлению в семье фараона. К примеру, Таусер, жену первого советника Мемеса, приближенную и обласканную самой царицей, изрядно огорчил тот факт, что молодой эрпатор, поддавшись явно сиюминутному увлечению, выбрал в наложницы совершенно невзрачное, по ее мнению, существо. И при каждой возможности, едва уединившись с мужем в своих дворцовых покоях, принималась упрекать его:

– Что толку в твоём высоком положении при дворе фараона?! Что толку, что ты облечён доверием самого Солнечного Гора, если ты не в состоянии устроить судьбу даже собственной дочери?!

Мемес всякий раз вяло оправдывался:

– Ты же знаешь: эрпатор сам выбрал себе наложницу! Причем не взирая даже на протесты царицы. Что, по-твоему, должен был я сделать в подобной ситуации? Да и потом: неужели ты действительно желаешь нашей дочери участи наложницы?!

Таусер заводилась еще пуще:

– А что в этом плохого? Любая жена знатного сегора наверняка только о том и мечтает, чтобы ее дочь разделила ложе с наследником трона!

– Какая глупость! – начинал распаляться Мемес. – Вспомни, сколькими наложницами обладал наш фараон! И где они? Одна лишь Тея имеет влияние на Аменхотепа и лишь ее сыновья – его прямые наследники!

Казалось, подобные доводы возвращали Таусер к реальности: жгучая обида на мужа отступала, задетое самолюбие успокаивалось.

– Значит, наша Нитоприс станет женой Тутмоса! И ты тому поспособствуешь! – решительно заявляла она.

Мемес начинал удивленно таращиться на супругу:

– Во-первых, наша Нитоприс старше эрпатора, а во-вторых, с ее замужеством все уже, как ты знаешь, решено!

– Ничего... Намеченное замужество придется отложить, надо всего лишь потянуть время... – упрямо продолжала гнуть свою линию Таусер. – А возраст – не помеха: Нитоприс старше Тутмоса всего на шесть месяцев.

Настойчивость супруги настораживала Мемеса.

– Что ты задумала? – делал он попытку выведать ее сокровенные мысли. Не дождав-шись ответа, предупреждал: – Не забывай, что кругом – люди Джера! Из-за твоих интриг мы можем потерять все! Возможно, даже поплатиться за них жизнью!

Таусер лишь очаровательно улыбалась.

– Мы ничего не потеряем, доверься мне. Напротив, твоё положение упрочится как никогда! Но без твоей помощи мне не справиться, – скорбно поджимала она губы.

Мемес отирал со лба выступавший от волнения пот и спешил ретироваться прочь, подальше от упрямой супруги. Безусловно, ему тоже хотелось бы породниться с фараоном. Чего уж греха таить: мысленно он и сам не раз представлял, как бы мог выглядеть младенец, рожденный Нитоприс от эрпатора...

* * *

Одним прекрасным утром, аккурат после очередного разговора с Мемесом на набившую уже обоим оскомину тему, Таусер отправилась в их родовое поместье, расположенное намного западнее Инебу-Хеджа, благодаря чему оно было избавлено от ежегодных затоплений при обильных разливах Нила. Живительную же влагу, питающую почву и дающую жизнь растениям, произрастающим в поместье, получали в основном из специально проры-

тых искусственных каналов, уровень воды в которых регулировался постоянно проживающими в поместье слугами.

Таусер уже довольно давно не навещала свое родовое гнездо, предпочитая пребывание во дворце подле мужа и дочери, а главное – в поле зрения царицы Теи. Сегодня же, сославшись на легкое женское недомогание и необходимость провести инспекцию родового имущества, она, с дозволения распорядителя малого двора царицы, покинула дворцовые покои, едва забрезжил рассвет: ей хотелось успеть добраться до места еще до того, как солнце поднимется в зенит и изнуряющая жара окутает землю.

Поместье, окруженное высокой стеной из белого камня, добываемого в расположенных неподалеку каменоломнях, встретило хозяйку буквально утопающим в буйно разросшихся тамариндах. Паланкин Таусер неспешно проследовал через массивные деревянные ворота, украшенные невысокими декоративными пилонами, отдаленно напоминающими дворцовые. Тенистая аллея из старых акаций, разветвившихся настолько густо, что ветви рядом стоящих деревьев, сплетаясь между собою, словно руки влюбленных, и образуя тем самым почти не пропускающую солнечного света живую «крышу», подействовала на Таусер умиротворяюще.

Слуги, поспешившие навстречу своей госпоже, помогли ей спуститься из паланкина на дорожку, выложенную красными известняковыми плитами. Таусер с наслаждением вдохнула аромат акаций, перемежавшийся с ароматом розовых лилий.

Слуги, застывшие в поклоне, с нетерпением ожидали приказаний хозяйки. Она не заставила их долго ждать. Отдав необходимые распоряжения, сама же, совершенно не чувствуя, несмотря на длительное пребывание в паланкине, усталости, решила прогуляться по саду, заканчивающемуся небольшим озером.

Обратив внимание на сикоморы³², усыпанные спелыми розовыми плодами, Таусер не без удовольствия отметила, что деревья ухожены на совесть. Вдоволь нагулявшись по саду, она наконец спустилась к заросшему лотосами озеру, где обильно гнездились фламинго. Как обычно, птицы грациозно вышагивали по воде, извлекая себе из нее пропитание. В какой-то момент Таусер показалось даже, что розовые птицы словно бы сливаются с розовыми лотосами, образуя единое целое.

Остановившись почти возле кромки воды и залюбовавшись красотами озерами, женщина задумалась. Воспользовавшись подвернувшейся возможностью избавиться хоть ненадолго от многочисленных дворцовых формальностей и соглядатаев Джера, она решила собраться с мыслями и еще раз тщательно обдумать план предстоящих действий. Конечно же, план ее был дерзким и, следовательно, грозил весьма опасными последствиями. В случае провала задуманного ей и Мемесу была уготована страшная казнь: по решению Суда богов им могут отрезать нос и уши, а затем отправить на страшные нубийские рудники, где, как она слышала, люди гибнут от непосильной работы. Нитоприс, в силу ее молодости и красоты, могут, конечно, помиловать, но в любом случае сошлют в какой-нибудь отдаленный храм богини Хатхор – скажем, в Напат, – где жрицы обязаны ублажать мужчин прямо на каменных храмовых алтарях...

Таусер медленно двинулась по берегу озера: ей было о чем подумать.

* * *

Несмотря на то что солнце поднималось все выше, а Хепри озарял землю своими лучами все сильнее, Таусер неожиданно ощутила озноб. Она оглянулась на сад, почти сплошь состоящий из сикомор: когда-то эти деревья приказал посадить ее отец... Сколько

³² Сикомора – разновидность фикуса. Плоды съедобны.

же лет прошло с тех пор? Подсчитав, женщина невольно ужаснулась: почти тридцать! Она прижала руки к груди, пытаясь таким образом унять волнение и внезапно навалившееся чувство страха.

Один из фламинго, прогуливающийся поблизости, расправил крылья. В свете солнечных лучей, словно нарочно выхвативших птицу из тени низкорослого кустарника, розовые перья вспыхнули ярко-красным огнем.

На мгновение Таусер замерла, залюбовавшись этим зрелищем. Затем в который раз мысленно спросила себя: «Чего ты хочешь, Таусер? У тебя есть все... ну, или почти все. Богатство, положение при дворе; супруг, добившийся должности первого советника фараона благодаря своему уму, терпению и преданности... Дочь Нитоприс красива, послушна и заботлива – она способна осчастливить любого сегера... Неужели всего этого тебе мало? ...» Женщина сосредоточенно взгляделась вдаль – в густые заросли инжира, среди которых пряталась хижина Эннаны. Вернувшись к своим мыслям, она все-таки ответила на заданный самой себе вопрос, но уже вслух, да еще и с нескрываемым вызовом:

– Да, мне этого мало! Я хочу, чтобы именно мой внук стал будущим владыкой Нижнего и Верхнего Египта!

В последний раз окинув взглядом стайку фламинго и розовый ковер из лотосов, Таусер резко развернулась и решительно зашагала в сторону хижины Эннаны – женщины, услугами которой пользовалась еще ее мать...

Дверь в хижину была приоткрыта. Стоило гостье распахнуть ее чуть шире, как тотчас раздался скрип проржавевших от времени петель.

– Это ты, госпожа Таусер? – услышала она столь же скрипучий старческий голос.

– Я... – невольно ступевалась гостья. – Но как ты меня узнала?

Из-за перегородки вышла совершенно седая старуха.

– Ты забыла, как часто прибегала ко мне, будучи еще совсем девчонкой? Впрочем, я предчувствовала твой приход, – проскрипела она в ответ.

– Да, давно это было...

– Давно. Нил разливался с тех пор раз двадцать, не меньше, – подтвердила старуха.

– Сколько же мы с тобой не виделись, Эннана?!

Хозяйка хижины пожала костлявыми плечами:

– Я-то помню тебя бегающей еще в коротком хитоне... Это уж потом ты сменила его на длинный, расшитый золотыми нитями... Много, много лет минуло с тех пор, девочка моя...

Таусер попыталась припомнить, когда в последний раз посещала свое имение. Получалось, пять лет назад, как раз незадолго до смерти Тутмоса IV. Но об Эннанае она тогда даже не вспомнила...

– Мне нужна твоя помощь, – выпалила без долгих предисловий Таусер.

Старуха усмехнулась:

– Я рада, что ты все еще нуждаешься во мне. Говори, с чем приехала... Можешь быть со мной предельно откровенна – я ведь, если помнишь, служила еще твоей матери.

Таусер кивнула в знак готовности рассказать все без утайки. Затем осмотрелась: скромное жилище Эннаны, крытое сухим папирусом, почти не изменилась. Как и много лет назад, посреди единственной комнаты стоял, в окружении колченогих табуретов, покосившийся от времени стол; в притулившемся в углу сундуке хранился нехитрый скарб знахарки; вместо спального ложа на полу лежала грубая циновка, сплетенная из длинных стеблей папируса и небрежно прикрытая шерстяным одеялом. В большом глиняном кувшине с широким горлом поблескивала чистая прохладная вода для питья и омовений. С потолка гроздьями свисали пучки ароматных сухих трав. Из ниш, выкрашенных в синий цвет, «выглядывали» алебастровые изваяния богов: покровительницы рожениц Месхенет в окружении четырех карликов Бэсов, ее мужа Шаи – покровителя судьбы, и богини радости Баст, окруженной много-

численной компанией неизменных своих помощниц кошек, миниатюрные фигурки которых были выполнены из золотистого оникса с молочно-бежевыми прожилками.

Подойдя к столу, Таусер присела на один из табуретов.

– Я помню, ты умела избавлять женщин от нежеланного плода, – начала она издали.

Старуха снова усмехнулась:

– Это самое простое из того, что я могу.

Набравшись смелости, Таусер выложила все как на духу:

– Я хочу, чтобы ты приготовила снадобье, способное умертвить плод в чреве женщины, но самой ей не причинить при этом особого вреда. А главное, ни у кого не должно возникнуть подозрений, что смерть плода наступила в результате действия... – она осеклась на полуслове.

– ...яда, – невозмутимо закончила за нее фразу Эннана. – Что ж, госпожа, есть у меня рецепт такого снадобья. – И, прикинув что-то в уме, добавила: – На его приготовление у меня уйдет три дня, а твой кошелек облегчится... ну, скажем, на десять серебряных драхм.

– Если яд сработает, ты получишь сто драхм! – клятвенно заверила колдунью Таусер.

Старуха молча кивнула в знак согласия, после чего приступила к расспросам:

– Та женщина, что должна выпить снадобье – богата? Много ли у нее слуг? Как часто посещает ее покой супруг?...

Таусер слегка растерялась:

– Эннана, но зачем тебе это знать?

– Чтобы снадобье не дало осечки... Лучше будет, если женщина примет его вместе с пищей. Ее же супругу, вздумай он отведать то же самое яство, снадобье не причинит никакого вреда.

– До чего же ты умна, Эннана! – с неподдельным восхищением в голосе воскликнула Таусер.

Старуха сухо улыбнулась:

– Я просто хорошо знаю свое ремесло, драгоценная моя госпожа. Позволь мне лучше сорвать несколько гроздей винограда, растущего на одном из склонов твоего поместья: они как нельзя более подойдут для моей задумки.

– Ты имеешь в виду золотистый сорт винограда, вино из которого поставляется ко двору фараона? Да сорви столько гроздей, сколько пожелаешь!

– Благодарствую, госпожа. Итак, жду тебя через три дня... – проскрипела знахарка, прощаясь с гостьей.

* * *

По истечении оговоренных трех дней Таусер снова отправилась к Эннана. На сей раз поступь женщины выглядела гораздо увереннее, ибо мысленно она уже преступила черту, отделяющую добро от зла... Правда, после первого посещения знахарки ей приснился суд Осириса: боги Тот и Анубис взвешивали ее сердце, сравнивая количество совершенных ею на Земле добрых дел и злых. Сон оказался чрезвычайно неприятным, если не сказать – страшным: перед Таусер промелькнули картинки всех ужасов Дуата, уготованных тем, кто не задумывается при жизни о своих поступках. И все-таки кошмарное сновидение не заставило Таусер изменить своего решения относительно избавления от не успевшего еще родиться, но уже ненавистного ребенка Нефрури. «Я принесу потом щедрые дары богам, и они простят меня за мой грех», – с этими мыслями женщина и вошла в хижину Эннаны.

Знахарка сидела за столом, придерживая сморщенными руками стоящую перед ней небольшую плетеную корзинку, прикрытую отбеленным куском холста.

– Все готово, госпожа, – проскрипела знахарка при появлении гостьи и неспешно стянула холстину с корзинки.

Взору Таусер предстали золотистые гроздья винограда. Они выглядели настолько восхитительными и аппетитными, что ей немедленно захотелось отведать хотя бы одну ягодку.

– Бесподобное зрелище! – с чувством воскликнула Таусер. – И что, неужели каждая виноградина отравлена?

– Именно так, – ничтоже сумняшеся, подтвердила знахарка.

– Выглядит весьма аппетитно, – похвалила творение старухи гостья.

– Никто не устоит перед соблазном угоститься такой ягодкой, уж поверь мне, госпожа. – Все с тем же невозмутимым видом знахарка отщипнула золотистую виноградину с самой верхней грозди и, положив ее в рот, причмокнула: – Изумительный вкус! – Заметив отразившийся в глазах Таусер испуг, поспешила успокоить: – Я же предупреждала, госпожа: снадобье, которым я пропитала виноград, опасно только для находящегося в чреве матери плода. Всем же остальным золотистые сочные ягоды ничем не грозят. Не желаешь ли сама испробовать и убедиться?

Таусер не пожелала: подхватив со стола корзинку со «смертельными дарами», она поспешила покинуть хижину Эннаны.

– В случае успешного исхода моей задумки ты получишь обещанные мною сто драхм! – пробормотала Таусер уже на ходу.

...Следуя мимо озера с гнездовьями фламинго, Таусер лихорадочно размышляла: «Каким образом доставить виноград во дворец так, чтобы он оказался потом именно в покоях Нефрури? Подкупить кого-нибудь из служанок?... Опасно: впоследствии ее показания могут обернуться против меня... Что ж, тогда остается единственный выход – навестить наложницу эрпатора самолично. А почему бы и нет? Предлог сыщут: пожелала, мол, справиться о ее самочувствии. Вот заодно и угощу „виноградом, выращенным в собственном поместье...“»

* * *

Самочувствие Нефрури ухудшалось с каждым днем. Все обитатели дворца молили Исиду ниспослать молодой женщине сил, дабы она смогла преодолеть невесть откуда свалившийся на нее недуг. Пока же, увы, никаких изменений в сторону улучшения не происходило.

Даже Пент, опытный придворный врачеватель, не мог, сколько ни тщился, определить причину недомогания наложницы эрпатора и посему вынужден был остановиться на предположении, что она просто слишком молода и хрупка для столь ранней беременности. Не теряя тем не менее надежды поднять девушку на ноги, Пент практически неотлучно находился подле ее ложа, но та по-прежнему почти не вставала и категорически отказывалась от еды.

Тея переживала болезнь Нефрури, словно собственную, и чуть ли не ежечасно посылала прислужниц справиться о ее здоровье. У одной только Таусер недомогание юной наложницы вызывало чувство потаенной радости. Мысленно она уже предвкушала гибель не только плода, но и смерть самой девушки, однако в присутствии Теи, искусно притворяясь, без усталости сокрушалась и причитала как о состоянии Нефрури, так и о возможном отражении ее недуга на здоровье не рожденного еще наследника эрпатора.

В итоге, несмотря на молитвы обитателей дворца и неустанные хлопоты доктора, ближе к концу осени Нефрури родила мертвого младенца. Роды, вдобавок ко всему, оказались преждевременными, и Пенту стоило больших трудов и усилий спасти жизнь хотя бы самой роженицы.

Тутмос и все его царственные родственники глубоко скорбели о случившемся. В связи с трагической утратой долгожданного наследника в Инебу-Хедже был даже объявлен специальный поминальный день, и все горожане дружно потянулись в храм Осириса, дабы вымолить у того снисхождение к совершенно невинному существу...

Таусер же ликовала: ее план сработал! Нефрури хотя и осталась жива, но после продолжительной болезни и тяжелых родов изрядно подурнела и ослабела.

Тем временем Тея, выдержав положенный сорокадневный³³ траур, начала всерьез задумываться о поисках для Тутмоса жены. Причем, исходя из печального опыта с Нефрури, жены физически крепкой и не моложе пятнадцати лет, дабы та могла производить на свет здоровых и жизнеспособных детей.

Благодаря умело проведенной политике Таусер, Мемеса и Камоса выбор царицы пал в результате на Нитоприс. Девушка обладала приятной внешностью и отменным здоровьем, а именно эти критерии и волновали Тею превыше всего. Правда, по возрасту дочь первого советника фараона оказалась чуть старше Тутмоса – вскоре ей должно было исполниться шестнадцать лет, – но и божественная Тея, и сам Солнечный Гор решили закрыть на столь несущественное обстоятельство глаза.

Сам же Тутмос, тяжело переживший потерю желанного ребенка, воле своих солнце-подобных родителей более не противился. Ибо тоже отчетливо теперь сознавал, что ради воспроизведения на свет полноценного потомства жена будущего фараона должна быть не только красива, стройна и умна, но еще и крепка здоровьем.

Что же касается самой Нефрури, то благодаря стараниям Пента она со временем окончательно выздоровела и даже похорошела, однако стала еще более замкнутой и неразговорчивой. Ибо доктор вынес неутешительный диагноз: иметь детей девушка никогда уже более не сможет.

Тея, желая хоть как-то облегчить участь бывшей наложницы сына, пристроила ее ко двору номарха в городе Хемену. Несмотря на почтенный возраст, тягу к молоденьким девушкам номарх по-прежнему испытывал немалую, а такому деликатному обстоятельству, как бесплодие новой наложницы он особого значения не придал, благо потомство имел к тому времени уже весьма многочисленное.

Тутмос и Нитоприс стали законными супругами: перед ликом богини Исиды священный обряд бракосочетания совершил в одном из храмов Инебу-Хеджа сам Верховный жрец Ранеб. А через девять месяцев у молодой четы родился первенец, в честь которого, по велению фараона, в Инебу-Хедже был устроен грандиозный праздник.

³³ За это время душа умершего обретает свое место в царстве Осириса (Загробном мире, Дуате).

Часть 2. Дыхание Апофиса

Глава 1

1380 год до н. э.

Шли годы. Эрпатор Тутмос и Нитоприс произвели на свет уже двух сыновей и дочь. Не отставал от них и младший брат эрпатора, Эхнотеп: он женился на юной красавице Нефертити – дочери весьма влиятельного жреца Эйе. Несмотря на нежные и искренние чувства к супруге, спустя какое-то время Эхнотеп взял в наложницы еще и Кийа – фактически родную свою сестру по отцу, – а чуть позже женился и на ней.

Нефертити едва исполнилось пятнадцать, когда она понесла уже второго ребенка. Кийа была чуть старше первой жены Эхнотепа и теперь тоже находилась в тяжести. Эхнотеп, лишившись привычного внимания жен из-за их деликатного на данный момент положения, заскучал и начал подумывать о новой наложнице. Он совершенно не понимал своего старшего брата, который вот уже почти семь лет кряду делил ложе с одной лишь Нитоприс и о других женщинах даже не помышлял.

Эйе, жрец храма Осириса, все более укреплял свои позиции и влияние при дворе фараона. Аменхотеп часто приглашал его на заседания Священных советов, и жрец высоко ценил доверие Солнечного Гора. Как человек умный и прозорливый Эйе прекрасно понимал, что помыслы и цели большинства влиятельных египетских жрецов не всегда служат государственным интересам и что если в срочном порядке не предпринять никаких мер, власть фараона в стране может стать вскоре чисто формальной.

Будучи верховным жрецом весьма богатого храма Осириса, второго по величине в Инебу-Хедже после храма Атума (откуда безраздельно властвующий там Ранеб распространял свое влияние на весь Египет), Эйе и сам владел обширными земельными территориями. Часть получаемых с них доходов он, как и положено, сдавал в царскую казну, какую-то часть тратил на нужды храма, все же остальные средства – причем весьма немалые! – тратил исключительно на членов своей семьи. Ибо помимо Нефертити у него были еще две дочери, и он надеялся устроить их судьбы столь же успешно, как это получилось со старшей.

Нынешнее положение дел в высших кругах власти страны жреца изрядно беспокоило. Особо же его возмущало поведение Ранеба, который, обладая в Египте практически безграничной властью, ценою устрашения либо подкупов склонил на свою сторону многих сегоров и сановников, ставших отныне полностью разделять его весьма опасные политические взгляды. На правах Верховного жреца Инебу-Хеджа Ранеб лично контролировал все храмы Египта и, следовательно, устранял неугодных служителей культа и назначал на их места людей из числа своих сторонников, не считаясь ни с чьим мнением. А не так давно он единолично завладел древним свитком, доселе почти полторы тысячи лет хранившимся в храме «Миллионов лет» в Абидосе.

Свиток сей был написан еще во времена фараона Хат-Гора, одного из прямых потомков божественного Гора, победившего Сета. Текст древнего папируса гласил, что Гор создал армию «Железных людей», во главе которой поставил неких Шемсу-Гор, наделив их особыми знаниями богов. С тех пор Шемсу-Гор, став фактически самыми доверенными и приближенными людьми Гора, помогали ему править Египтом. Они же и положили начало появлению в Египте жрецов.

Самоуверенно причисляя себя к потомкам Удиму – верховного вождя Шемсу и всего войска, спасшего божественного Гора в одной из битв от неминуемой гибели, – Ранеб тем

самым ставил себя едва ли не на одну ступень с фараоном. Дескать, если бы не мой пращур Удиму, не сидеть бы никогда Гору на троне Нижнего и Верхнего Египта!

Аменхотеп давно знал о существовании свитка, описывающего историю зарождения «Железных людей», но ознакомиться с его содержанием до сей поры все никак не решался. И теперь он размышлял, как ему поступить с Ранебом. Оставить поступок амбициозного Верховного жреца без внимания? Но тот и без того уже мнит себя чуть ли не полубогом! Или все же попросить его вернуть свиток и, воспользовавшись случаем, наконец-то прочесть?...

Так и не придя ни к какому решению, Аменхотеп, предварительно выдворив из кабинета хранителя печати и главного писца, пригласил к себе Эйе, дабы испросить у того совета. Жрец, выслушав фараона предельно внимательно, признался, что полностью разделяет его опасения.

– Мой повелитель, положение со свитком сложилось весьма щекотливое, – сказал он. – Я подтверждаю существование сего древнего папируса. Храм «Миллионов лет» всегда считался хранилищем самых древних свитков. И не только их: думаю, его подземелья скрывают нечто неизмеримо большее. Конечно, доступ ко всем этим реликвиям раньше имели лишь избранные жрецы, но теперь...

– Говори, Эйе! – поторопил собеседника фараон.

– Я опасюсь, мой повелитель, что прежние избранные жрецы храма «Миллионов лет» давно уже пребывают в царстве Осириса. Причем не без помощи Верховного жреца. Более того: как мне стало известно, Ранеб завладел не только древним свитком...

– Чем же еще? – вновь нетерпеливо воскликнул Аменхотеп.

– Неким оружием, о, мой повелитель.

Фараон почувствовал, как по всему его телу пробежала дрожь.

– Неужели и урея Ра оказалась в руках Ранеба? Но как?! Каким образом он смог заполучить ее, когда даже я – фараон! – не знал, где она хранилась! Признаться, отчасти я даже сомневался в ее существовании...

– Я тоже, мой повелитель, но факт, тем не менее, остается фактом...

– Что же делать?! – в отчаянии воскликнул фараон. – Помоги мне, Эйе! Взамен я обещаю тебе достойную награду!

Жрец смиренно поклонился:

– Благодарю тебя, о, солнцеподобный. Служба тебе – вот высшая награда для меня.

Фараон благодарно кивнул:

– Я не сомневаюсь в твоей преданности.

– Мы не можем открыто обвинить Ранеба в заговоре – это слишком опасно, – начал развивать свою мысль Эйе. – К сожалению, Инебу-Хедж буквально наводнен его людьми... Скажи, ты доверяешь Джеру, мой повелитель?

– Да, безраздельно, – кивнул Аменхотеп.

– Что ж, прекрасно... Тогда для начала предлагаю совершить ритуал хеб-сед. Причем непременно в храме Гор-Нармера, что в Саккаре³⁴. Я буду сопровождать тебя туда, мой повелитель.

– Остается надеяться, что дух Гор-Нармера снизойдет до помощи мне... – со вздохом попытожил фараон.

³⁴ Ритуал хеб-сед означает обновление власти фараона. Храмовый комплекс в Саккаре (это место ассоциировалось у египтян со Страной мертвых), о котором идет речь, по официальной версии, принадлежал фараону Джосеру. Но существует предположение, что изначально этот храм строился еще при Гор-Нармере, пятом фараоне нулевой династии, прямом потомке божественного Гора. При Джосере пирамида, имевшая форму мастабы, надстраивалась, территория храма реконструировалась легендарным архитектором (и врачевателем) Имхотепом. Джосер приказал уничтожить все картуши Гор-Нармера и поставить свои, а также перезахоронить останки своего пращурца (в то время еще не применялось бальзамирование), освободив тем самым погребальную камеру для себя. Это произошло примерно в 2600 году до н. э.

* * *

Спустя несколько дней, едва забрезжил рассвет и бледно-золотистые лучи Хепри коснулись земли, через дворцовые ворота Инебу-Хеджа проследовала процессия из нескольких паланкинов, окруженная со всех сторон воинами Мефри из личной гвардии фараона. Миновав аллею, ведущую в город, и достигнув вскоре храма Птаха-Сехмет-Нефертума, процессия резко свернула от него на юго-запад и зашпешила по древней дороге по направлению к Саккаре.

Аменхотеп готовился к ритуалу хеб-сед загодя и тщательно: в течение трех дней постился, напрочь отказавшись от употребления мяса и рыбы, и не прикасался к женщинам. По совету Эйе он не стал предавать огласке свое намерение посетить Саккару с целью проведения священного ритуала обновления власти. В планы Аменхотепа посвящены были только Эйе, Тутмос и Джер. Остальным же обитателям дворца сообщили, что Солнечный Гор решил просто вместе с эрпатором посетить храм Птаха, покровителя Инебу-Хеджа, для совершения обычного богослужения. О том, что на полпути к Саккаре процессию встретит Эйе, покинувший Инебу-Хедж заранее, дабы подготовить в храме-усыпальнице предков все необходимое для поведения задуманного ритуала, не знал даже Джер.

Паланкин Эйе двигался уже навстречу Аменхотепу и его свите. Жрец тщательно подготовился к хеб-седу, был уверен в успешном его проведении и теперь позволил себе предаться тайной своей мечте: избавиться от Ранеба и занять его место. Конечно же, он осознавал, что задача перед ним стоит не только сложная, но и весьма опасная. Но при этом Эйе надеялся, что во время хеб-седа дух Гор-Нармера – фараона, снискавшего себе при жизни репутацию не только отважного воина, сумевшего положить конец как внутренним раздорам в стране, так и вторжению врагов в Та-Кемет, но и великого мудреца. По мнению Эйе, дух Гор-Нармера непременно должен был дать Аменхотепу надлежащий и ценный совет относительно дальнейших действий. Или, по крайней мере, подать какой-нибудь знак, смысл которого можно будет постичь позже.

* * *

Эйе еще издали заметил движущуюся навстречу вереницу паланкинов, сопровождаемую вооруженной охраной, и догадался, что сию процессию составляют люди Аменхотепа во главе с ним самим. Правда, дорога до встречи Эйе с фараоновским кортежем отняла у обеих сторон еще довольно много времени: Хепри все больше набирал силу, и пески, простиравшиеся кругом вплоть до горизонта, успели впитать его лучи и стать обжигающе раскаленными и податливо сыпучими, что изрядно затрудняло передвижение путников.

Тутмос, как потенциальный наследник трона прекрасно знал, что ритуалы обновления власти фараона просто так не совершаются: видимо, на сей раз у отца появилась веская на то причина. Эрпатору никогда еще не доводилось бывать в Саккаре, хотя та и находилась сравнительно недалеко от Инебу-Хеджа. Тутмос IV, его дед, был погребен, как и положено, в пирамиде, расположенной в Дахшуре. Вот туда эрпатор наезжал достаточно часто: и почтить память пращура, и принести дары богам, и помолиться Осирису.

О Саккаре же он знал лишь информацию, известную всем образованным соотечественникам. Некрополь Саккары, образованный пирамидами, в которых были погребены фараоны Усеркафа, Унас, Тети, Меринет, Пепи I и Пепи II, располагался вокруг того самого храмового комплекса, куда они сейчас направлялись. Последний был возведен – на основе древней мастабы, принадлежавшей одному из прямых потомков бога Гора, – более тысячи лет назад архитектором Имхотепом и предназначался для тогдашнего повелителя Джосера.

Тутмос припомнил также предание о семи урожайных и семи голодных годах Египта. Сначала семь лет подряд египтяне получали богатые урожаи, и фараон Джосер вместе с советником Имхотепом, оборудовавшим специальные хранилища в Саккаре, дважды в год наполняли их зерном. Поэтому когда на следующие семь лет землю Та-Кемет сковала засуха, благодаря мудрой политике Джосера и Имхотепа³⁵ голода в стране не наступило: запасы зерна оказались огромны...

Наконец паланкин Эйе встретился с процессией Аменхотепа, и по многозначительному взгляду жреца фараон понял, что для его погружения в состояние кед³⁶ и общения с духом умершего все готово.

³⁵ Часто проводится аналог между Имхотепом и библейским Иосифом, спасшим Египет от голода.

³⁶ Кед – состояние транса. Возможно, египтяне входили в него при помощи специальных ритуальных напитков, вызывающих галлюцинации.

Глава 2

Вскоре взору Тутмоса предстала стена, сложенная из нубийского диорита. За ней виднелась ступенчатая пирамида Джосера.

Эйе, покинув паланкин, последовал впереди всех, указывая путь: в стене, окружавшей пирамиду, насчитывалось более тринадцати ложных дверей, и только посвященный мог знать, где именно находится настоящий вход в храмовый комплекс.

По мере того как паланкин Аменхотепа проплывал мимо многочисленных дверей, фараон пытался угадать, какая же из них в итоге перед ним откроется? Однажды, будучи еще мальчиком, он сопровождал отца, Тутмоса IV, в Саккару: тогда, почти тридцать лет назад, старый фараон тоже совершал здесь ритуал хеб-седа. Аменхотеп попытался припомнить причины, побудившие отца к столь серьезному шагу, но тщетно: уж очень давно это было...

Наконец тяжелые створы «настоящей» двери распахнулись, и процессия медленно прошествовала на территорию храма. Взор Аменхотепа тотчас же упал на стоящую в Южном храмовом дворе статую Джера. Неожиданно из глубин памяти всплыла хвалебная надпись, высеченная на постаменте статуи и посвященная Имхотепу: *«Имхотеп – хранитель сокровищницы царя Нижнего Египта, первый после царя в Верхнем Египте, распорядитель великого двора, наследник Бога, главный жрец Ону, строитель, архитектор, ваятель каменных ваз»*. Когда мальчишкой Аменхотеп попытался прочесть ее впервые, ему это удалось далеко не сразу: текст был выполнен специальным иератическим³⁷ письмом жрецов, претерпевшим за тысячу с лишним лет немалые изменения.

Статую Джера окружали две каменные стелы с высеченными на них мудрыми высказываниями Имхотепа: *«Не гордись своими знаниями. Не строй планов на завтра, ибо не знаешь, что будет. Если хочешь иметь друга, не справляйся о нем у других, но обратись к нему напрямую и имей дело с ним одним. Мудрый известен своей мудростью, великий – своими свершениями; их сердца соответствуют их языку...»*³⁸

Аменхотеп мысленно повторил одно из изречений Имхотепа: «Не строй планов на завтра... Но как же тогда управлять государством? Хорошо, видно, быть мудрецом, а не фараоном...»

Когда паланкин фараона миновал статую Джера, слева показались многочисленные каменные клетки: настолько крохотные, что в каждой из них мог разместиться только один человек – продавец зерна³⁹. Здесь же, неподалеку от клеток, располагались подземные зернохранилища. Правда, давно уже не используемые по назначению и оттого на данный момент пустовавшие.

Миновав каменные клетки и сделав еще два поворота направо, процессия достигла наконец двора, предназначавшегося для проведения хеб-седа. Посреди двора высился белый шатер, а возле него стояли пятеро облаченных в леопардовые шкуры жрецов. По виду – словно только что вышедшие из царства Осириса.

Невольно по телу Аменхотепа пробежала дрожь: еще немного – и его эфемерное тело, саху, переместится в мир мертвых. Он снова вспомнил отца: тридцать лет назад тот перенес сей непростой ритуал достаточно тяжело – целых десять дней не покидал потом своих покоев, жалуясь на слабость во всем теле. «Справлюсь ли я?... Не суждено ли мне покинуть

³⁷ Иератическое письмо – ранняя древнеегипетская скоропись, особенно часто применялась при нанесении на камень.

³⁸ Эти изречения также приписываются Птахотепу, некоему высокопоставленному чиновнику, жившему во времена V династии.

³⁹ Кабинок, или «клетей», насчитывалось примерно сорок штук. Во времена семи неурожайных лет при Джосере в них располагались чиновники, взимавшие плату за получаемое египтянами зерно.

мир живых и остаться в Саккаре⁴⁰, в мире мертвых, навсегда?...» – обеспокоенно размышлял фараон.

Стараясь ничем не выдать охватившего его смятения, фараон покинул паланкин и уверенно ступил на землю. Жрецы почтительно поклонились. Главный из них, с испещренным жреческим иероглифическим письмом золотым массивным ожерельем на груди, жестом пригласил фараона проследовать за ним в шатер.

– Мы ждали тебя, о, владыка Нижнего и Верхнего Египта! – сказал жрец, когда они вошли внутрь. – Для совершения обряда все готово.

Аменхотеп снова ощутил предательскую дрожь, на сей раз в коленях, но все же нашел в себе силы успокоиться и осмотрелся. Правда, его взору предстало единственно лишь кресло, застеленное шкурой леопарда, – шатер был фактически пуст.

Память вновь вернулась к событиям тридцатилетней давности: Аменхотеп попытался вспомнить, что он видел в шатре, когда ритуал хеб-седа совершал отец. Увы, попытка и на сей раз оказалась безуспешной. Зато из недр подсознания всплыли вдруг и промелькнули перед внутренним взором Северный храм со статуей Осириса, дом Севера, дом Юга, длинная узкая колоннада, тянущаяся вдоль южной стены... На миг Аменхотепу показалось даже, что он ощутил ее тогдашнюю прохладу... Затем вспомнилась расположенная на южной окраине храма усыпальница Гор-Нармера, окруженная оградой с изображениями кобр...

В этот момент к фараону неслышно приблизились двое жрецов и, взяв его под руки, подвели к креслу и бережно усадили в него. Тотчас невесть откуда появился хрупкий юноша – судя по виду, прислужник. Сняв с ног фараона сандалии, он столь же бесшумно и быстро удалился.

Неожиданно Аменхотеп почувствовал, что на его плечи буквально навалилась чудовищной силы усталость. Страшно захотелось пить.

Словно прочитав его мысли, в шатер вошли трое жрецов, неся в руках круглые сосуды из розового кварца⁴¹ с лебедиными горлышками.

– Испейте, о, солнцеподобный! – предложил главный жрец фараону.

Аменхотеп благодарно и одновременно растерянно кивнул: он вдруг ощутил, что его хитон буквально насквозь промок от обильно выступившего пота.

Один из жрецов, приблизившись, протянул ему розовый круглый сосуд. Аменхотеп принял его и, запрокинув голову и приподняв донышко как можно выше, жадно припал к лебединому горлышку. Уже после нескольких глотков он почувствовал разлившуюся по телу невероятную легкость, тревога и страх чудесным образом бесследно исчезли. Главный жрец, подойдя к фараону вплотную, жестом показал, что жидкости выпито уже достаточно и следовало бы остановиться.

Владыка Египта нехотя оторвался от живительной влаги и, возвращая сосуд, разглядел на его гладко-розовой поверхности иероглиф, означавший слово «*спокойствие*». Вслед за первым последовали еще два сосуда – с иероглифами «*терпение*» и «*мудрость*». Аменхотепу стало казаться, что он потерял счет времени...

Жрецы меж тем принесли ритуальное одеяние и помогли фараону в него облачиться. Теперь предстояло самое главное: переход во двор сердаба, откуда Аменхотепу предстояло отправиться в Загробный мир и встретиться там с духом Гор-Нармера...

⁴⁰ В ранние династические периоды царем загробного мира предположительно считался Саккар. Отсюда и название некрополя – Саккара. Возможно, культы бога Саккары и Осириса некоторое время существовали параллельно.

⁴¹ Такие сосуды из розового кварца и нубийского диорита (очень сложного в обработке) в большом количестве нашли при раскопках Саккары. Причем они вызвали в научных кругах сенсацию. Ибо возник вполне естественный вопрос: каким образом они изготовлены? Неужели древние египтяне располагали токарными станками и циркулярными пилами? Сосуды украшали иероглифы, выполненные настолько тонко, что снова возник вопрос: при помощи каких технологий они изготовлены? Само же назначение сосудов доподлинно неизвестно.

* * *

Солнце клонилось к закату, дневная жара постепенно вытеснялась вечерней прохладой. Бог Атум незаметно, но настойчиво вступал в свои права. Вот пирамиды Джосера коснулись последние бледно-розовые солнечные лучи и, попав в специальное отверстие, расположенное над статуей Осириса в Северном храме, и сконцентрировавшись, осветили изваяние бога, выполненное из черного алебастра.

Тутмос, стоявший в этот момент перед статуей, замер, преисполнившись священного трепета. Пока отец находился в шатре и готовился к посещению сердаба, эрпатор оказался предоставлен самому себе, поэтому и решил посвятить неожиданно обретенную свободу знакомству с обширной территорией храмового комплекса.

Предусмотрительный Эйе приказал приготовить для наследника отдельный шатер неподалеку от дома Севера, где жили жрецы, и подать различные кушанья, вино и фруктовую воду. Тутмос же, утолив голод и испив вина, предпочел вместо отдыха отправиться изучать местные достопримечательности. Именно так он и оказался вскоре в Северном храме перед изваянием Осириса.

Заслышав за спиной звук чьих-то шагов, эрпатор оглянулся: к нему приближался один из здешних жрецов. Тутмос почтительно поклонился, жрец ответил взаимным поклоном, после чего тоже приблизился к Осирису. На алтаре перед изваянием бога красовались щедрые ритуальные дары. Эрпатор, решив, что его присутствие, возможно, нежелательно, развернулся, дабы уйти, но жрец жестом остановил его:

– Прошу тебя, эрпатор, останься! Я буду молиться Осирису, а ты мне поможешь...

Тутмос смутился, ибо не ожидал, что ему придется принимать хоть какое-то, пусть даже совсем незначительное, участие в ритуале хеб-седа. Он был уверен, что отец взял его с собой из банальной формальности: просто потому, что так положено. Ведь когда-то и дед, Тутмос IV, тоже посещал Саккару вместе с сыном, ныне – фараоном Аменхотепом III.

подавив смущение, Тутмос коротко ответил:

– Я готов помочь тебе, жрец.

Тот, не задумываясь, протянул эрпатору кадильницу с благовониями. Разумеется, Тутмос, часто посещавший богослужения, прекрасно знал, что ему надлежит делать: во время молитвы окуривать благовониями алтарь и ноги божественного изваяния.

Жрец меж тем прижал руки к груди и, сосредоточившись, простер их затем к Осирису. Северный храм огласился звучной молитвой:

– Хвала тебе, Осирис, повелитель вечности, чьи обличия не считаны и чьи формы исполнены величия! Саккара – властелин тайного места и проводник Загробного мира! Исида заключает тебя в свои объятия и прогоняет демонов с путей твоих. Те, кто лежит в земле, оживают, чтобы узреть божественного Атума. Они вдыхают воздух и не отрывают глаз от лица твоего. Когда солнечный диск опускается к горизонту, их сердца не омрачены тревогой, ибо они видят тебя – Вечность и Бессмертие!..⁴²

* * *

Пока жрец в обществе эрпатора возносил молитву Осирису, другие четверо жрецов провожали Аменхотепа к сердабу. Во дворе сердаба их ждал очередной шатер, но теперь фараон вошел внутрь без каких бы то ни было колебаний. На сей раз вместо кресла, покры-

⁴² Данная молитва является упрощенным пересказом гимна Осирису (из папируса жреца Ани, Британский музей). Перевод с английского К. Корсакова.

того леопардовой шкурой, его взору предстал ритуальный саркофаг, выполненный из золотистого оникса. В изголовье саркофага, скрестив руки на груди, стоял Эйе.

Жрецы помогли фараону взойти в саркофаг, после чего один из них преподнес ему золотую чашу, до краев наполненную каким-то напитком.

– Этот напиток носит название «Кущи Иару», мой повелитель, – пояснил культовый служитель. – Он поможет тебе сесть в папирусную барку, чтобы ты смог пересечь воды Дуата и беспрепятственно достичь райской земли. Ибо именно там душа Гор-Нармера обрела свое вечное успокоение...

Аменхотеп, приняв чашу, бесстрашно осушил ее. Его сознание слегка помутилось, и жрецы тотчас помогли ему улечься в саркофаг, накрыв затем неплотно прилегающей плитой из того же золотистого оникса. Почти сразу эфемерное тело Аменхотепа, саху, тронулось в путь к Загробному миру.

...Фараон стоял на папирусной лодке, пересекающей воды Дуата. То обстоятельство, что он дышит полной грудью, несколько удивило его. «Где я? Неужели уже достиг царства Осириса?» Словно бы в подтверждение его мыслей из воды, прямо у бортов барки, вынырнули странные существа. Аменхотеп знал, что воды Дуата населены чудовищами, которые могут окончательно погубить душу умершего, и та никогда же не достигнет Иару. Он растерялся, не зная, что предпринять дальше.

Жрецы Саккары обступили ритуальный саркофаг со всех сторон, в изголовье по-прежнему стоял Эйе. Они единодушно вознесли молитву Осирису, дабы тот поглотил водяных змей и избавил тем самым саху Аменхотепа от нападения чудовищ. Перечислив их имена – Кеста, Хапи, Дуамутеф, Кебексенуф, Маатефф, Херибекф, Херу-Хентианмаати⁴³, – жрецы начали молить древнего бога Саккару, чтобы тот защитил саху фараона от нападения огромного змея Ререка, обитающего в самой темной и глубокой части Дуата. Змей этот, имевший множество обличей, в том числе и Апофиса, мешал душам усопших следовать в Царство дня – в райские кущи Иару. Затем двор сердаба огласила очередная многоголосая молитва.

...Папирусная ладья, перевозящая эфемерное тело Аменхотепа, благополучно миновала подземное царство Саккары и уже приближалась к подземному царству Ону, где отдыхали души блаженных. Аменхотеп воочию увидел всех трех богов этой области: Акхсесефа, Ремрера и Кемкена. Когда ладья причалила к берегу, бог Рамрер молча протянул Аменхотепу волшебную пряжку Исиды⁴⁴, обладающую силой ее крови и служащую пропуском в Иару. Судно снова устремилось по водам Дуата – в сторону райских кущ.

Наконец лодка причалила к суше, и Аменхотеп сошел на берег. Его взору предстала высокая стена из белого мрамора. Приняв решение пройти вдоль нее, он достиг вскоре золотых врат, охраняемых огромного роста стражником с головой льва. Грозный страж преградил путь незваному гостю секирой. Аменхотеп, не растерявшись, протянул ему пряжку Исиды. Тот мгновенно отстранился, пропустив тем самым фараона в легендарные сады.

Едва Аменхотеп миновал ворота, как его ослепили яркие лучи солнца. Он увидел множество людей, облаченных в ярко-желтые туники. Кто-то прохаживался между смоковницами, вкушая спелые плоды, кто-то, расположившись в тени деревьев, играл на арфе... Молодые женщины, наслаждаясь звуками музыки, грациозно и самозабвенно танцевали.

Заметив выложенную белым мрамором неширокую дорожку, Аменхотеп решительно направился по ней, надеясь поскорее встретиться с Гор-Нармером. Задача, однако, оказалась не из легких. Несколько раз ему на глаза попадались шумные стайки детей, предававшихся каким-то своим, только им понятным играм; неоднократно встречались небольшие

⁴³ Из книги «Книга Мертвых».

⁴⁴ В данном случае, изучая «Книгу Мертвых», не совсем ясно: о какой именно пряжке Исиды идет речь? Могу лишь предположить, что пряжка сия от пояса богини. Возможно, смысл данного ритуала утрачен при многократной переписи книги жрецами. До сих пор многие ритуалы, описанные в книге, также вызывают споры и неоднозначное толкование.

озерца с прозрачной, словно слеза, водой, в которых плескались обнаженные женщины, юные девушки и совсем еще девочки – все прекрасные и одухотворенные, как на подбор. Аменхотеп с трудом удержался от соблазна погрузиться в прозрачные воды одного из таких водоемов: с сожалением вздохнув, решил продолжить свой путь.

Спустя какое-то время взору Аменхотепа открылись белоснежные портики, увитые диковинными травами, перемежающимися ярко-красными цветами. Фараон не удержался и, приблизившись к одному из портиков, дотронулся до самого крупного и манящего цветка – тот в ответ издал нежный, словно у серебряного колокольчика, звон и распространил в окружающем пространстве терпкий дурманящий аромат. Аменхотеп с наслаждением вдохнул его и чуть было не забыл, зачем вообще проделал столь опасное путешествие.

– Ты из мира живых, не так ли? – раздался за его спиной мелодичный голос.

Фараон оглянулся: перед ним стояла женщина, облаченная в ослепительно белый хитон, подпоясанный золотым поясом. Ее шею и запястья украшали массивные украшения, усыпанные драгоценными камнями, а голову – корона-атеф, увенчанная уреей.

Аменхотеп догадался: перед ним – Нефтида, дочь божественного Ра и единокровная сестра Осириса. Он почтительно поклонился и подтвердил:

– О, да, божественная Нефтида! Ты совершенно права: я действительно пришел из мира живых.

– Что же ты ищешь в наших райских садах? – осведомилась она.

– Совета Гор-Нармера, – без обиняков признался фараон.

– О! Потомок Гора был мудрым правителем, – одобрительно кивнула богиня. – Я проведу тебя к нему. Следуй за мной.

– Благодарю тебя, о, божественная Нефтида!

Путь оказался неблизким: один пейзаж сменялся другим, еще прекраснее прежнего. Покорно шествующий за Нефтидой Аменхотеп видел вокруг множество счастливых людей, а точнее – их саху. Ибо хат – физическая сущность всех этих счастливых – давно превратилась в тлен (если, конечно, при жизни они не были знатными людьми или фараонами, тела которых после кончины бальзамировали).

Наконец Нефтида и Аменхотеп вошли в город фараонов. Аменхотеп задумался: «Интересно, каким по счету правителем Египта являюсь я? Вероятно, семьдесят третьим⁴⁵... Значит, в городе фараонов должны обитать порядка семидесяти двух саху бывших властителей священной земли Та-Кемет...»

– Мы пришли... Саху Гор-Нармера обитает здесь, – прервала Нефтида размышления Аменхотепа, указывая божественным перстом на небольшой дворец, облицованный бледно-розовыми мраморными плитами.

Благодарно поклонившись в ответ, Аменхотеп направился к распахнутым створкам ворот. И вновь перед ним, словно из небытия, возник стражник, пропустивший его во дворец только по предъявлении «пропуска» в виде пряжки Исиды.

Первое, что увидел фараон, едва оказался на территории дворца, – огромный зал с множеством колонн, увитых гирляндами цветов. Впереди блеснула водная гладь – по всей видимости, бассейн. Аменхотеп инстинктивно направился к нему. Встречавшиеся ему люди не выказывали ни малейшего удивления по поводу его здесь появления.

Достигнув бассейна, Аменхотеп понял, что принял правильное решение: Гор-Нармер прямо в воде предавался плотским утехам с одной из молоденьких наложниц... Еще несколько юных, совершенно обнаженных прелестниц возлежали по периметру бассейна, наслаждаясь вином и фруктами.

⁴⁵ Приблизительное авторское предположение, так как XVIII династии предшествовал ряд династий, имена правителей которых неизвестны.

Тем временем Гор-Нармер, не обращая на непрошеного гостя ровно никакого внимания, продолжал ласкать наложницу. При виде столь будоражащих кровь картин сладострастия Аменхотеп испытал невольное, но вполне закономерное возбуждение. Словно в ответ на его чаяния, к нему тотчас приблизились две прелестницы – из тех, что возлежали около бассейна, – и фараон отчетливо ощутил на себе сначала прикосновение их рук, а затем и губ. Сознание медленно, но верно начало ускользать...

Очнувшись от полусна-полуяви, Аменхотеп обнаружил, что покоится на мягком ложе среди тех самых юных прелестниц, увлекших его в райские кущи блаженства, а теперь – утомленно отдыхающих, и к тому же совершенно нагой. Не успел он ничего предпринять, как неизвестно откуда возникший прислужник молча протянул ему ярко-желтый хитон – точно такой же, какими пользовались все обитатели Иару. Аменхотеп так же молча облачился и – не без сожаления – покинул «райское» ложе.

– Следуйте за мной. Господин Гор-Нармер ждет вас, – промолвил наконец прислужник.

Фараон безропотно последовал за ним по галерее, украшенной изображениями царственных кобр.

* * *

Гор-Нармер восседал на кресле с высокой спинкой, отделанной серебряными пластинами. Завидев Аменхотепа, он приглашающим жестом указал на стоящее подле него точно такое же кресло, подчеркивая тем самым, что оба они – фараоны, независимо от того, где находятся в данный момент их саху и хат.

– Приветствую тебя, сын Тутмоса IV! – Заметив удивление в глазах гостя, Гор-Нармер продолжил: – Ты поражен, что мне известно твое имя? О, недаром я слышу мудрейшим из мудрецов! К тому же твой отец тоже посещал в свое время райские кущи Иару, а по сравнению с тем периодом, что обитаю здесь я, это, поверь, было не так уж и давно. Помнится, твой предок заявился сюда в самый разгар пира семидесяти семи фараонов... Ты очень похож на отца.

Аменхотеп поклонился:

– Я горжусь сходством с отцом. Мое имя – Аменхотеп.

– Так с какой же целью ты совершил столь опасное путешествие в мир мертвых, Аменхотеп? – перешел к делу Гор-Нармер.

– Я опасаюсь за неустойчивость своей власти, – признался, не лукавя, гость. – Вот уже десять последних лет я живу в страхе, со дня на день ожидая какого-нибудь коварного шага со стороны заговорщиков...

– Тяжело править огромной территорией Та-Кемет без верных помощников и в окружении предателей, – со знанием дела изрек Гор-Нармер. – Подозреваешь ли кого-то конкретно?

– О, да, мудрейший! Верховного жреца Ранеба. Он мнит себя равным мне, фараону! До меня дошли слухи, что он нашел в Абидосе, в храме «Миллионов лет», древний свиток, якобы подтверждающий его происхождение от Шемсу-Гора, спасшего, как известно, жизнь самому Гору, и присвоил его!

– Такой свиток действительно существует, – подтвердил Гор-Нармер. – Но разве он остался без пригляда хранителей – потомков помощников Гора?

– Они все давно уже мертвы, причем стараниями того же Ранеба, – скорбно пояснил Аменхотеп. – Ранеб бесстыдными подкупами перетягивает на свою сторону моих сегеров и сановников, и те теперь на Священный советах требуют все больших привилегий для храмов, в том числе налоговых послаблений. Если моя казна опустеет, всеми обширными землями Та-Кемета завладеют жрецы. Хотя формально Верховным жрецом Египта считаюсь именно я, фактически же духовная власть в стране принадлежит не мне – Ранебу.

Гор-Нармер нахмурился:

– Судя по всему, этот человек представляет серьезную угрозу для трона...

– Скажи, о, великий, как бы ты поступил на моем месте?!

Губы Гор-Нармера тронула легкая улыбка:

– Раз уж ты решился на ритуал хеб-седа, значит, скорее всего хорошо изучил тексты древних папирусов, повествующие о деяниях фараонов. Да, я действительно, если помнишь из свитков, подозревал своего Верховного жреца в измене. Когда, в свете произошедших чуть позже событий, мои опасения подтвердились, мне не оставалось ничего другого, как только... казнить его.

– Но... Вряд ли я могу так же поступить с Ранебом – в его руках сосредоточены огромные силы и средства. Я даже не уверен, что мне удастся схватить его, – потупил глаза Аменхотеп.

– Не стоит силой извлекать шакала из логова – пустая трата времени. Попробуй выманить его, положив перед норой приманку, от которой он не в силах будет отказаться, – Гор-Нармер многозначительно посмотрел на гостя. – Собери советников и высших сановников и потребуй, чтобы они обложили храмы баснословно высокими налогами. Если твои «верные слуги» подкуплены Ранебом, они, разумеется, никогда не согласятся на такой шаг. Но зато твои намерения непременно станут известны – благодаря все тем же «верным слугам» – Верховному жрецу. Ранеб поймет, что ты хочешь ограничить власть жрецов, и вот тогда... – Гор-Нармер замолчал и прикрыл глаза.

– Что – тогда?... – выдержав должную паузу, осмелился побеспокоить ушедшего в себя мудреца Аменхотеп.

– Тогда тебе надо опасаться Апофиса... – едва ли не зловеще прошептал Гор-Нармер, открывая глаза.

– Апофиса?! – фараон искренне удивился, ибо не в силах был понять, каким образом страшный змей из подводно-подземного царства может оказаться в мире живых людей.

– Ты не ослышался – именно Апофиса, – подтвердил Гор-Нармер и устало добавил: – а теперь ты можешь посетить дворец своего отца. Если хочешь, я провожу тебя...

Аменхотеп растерялся: отправляя его в Иару, Эйе и жрецы Саккары ни словом не обмолвились, что он может встретить здесь саху своего отца.

– Нет, нет, благодарю тебя, о, великий, но мне пора уже возвращаться!..

Гор-Нармер понимающе кивнул.

* * *

Солнце давно скрылось за горизонтом. Как только Атум передаст свои права Хепри, на Земле вступит в силу новый день.

Жрецы, стоя подле золотисто-ониксового саркофага во дворе сердаба и продолжая истово молиться, заголосили громче обычного:

– Апофис, ты – страж тайных врат Дуата, что на челе Геба, бога земли, рядом с чашей весов великого Ра. На чашу сио Ра день за днем кладет Правду и Истину. Вооружившись истиной, саху Небмаатра Менеса Аменхотепа III Гехеммута, прошедшее сквозь Землю, пусть же вернется в Мир живых! Да будет воля твоя, Осирис, чтобы саху названного человека беспрепятственно прошла через ворота Дуата обратно и чтобы он продолжил свой земной путь, достигнув преклонного возраста! Да будет так!

Завершив молитву, жрецы аккуратно сдвинули покрывавшую саркофаг плиту в сторону. Свет масляных ламп, в изобилии расставленных по всему шатру, осветил тело фараона. Тот был бледен, словно полотно. Главный жрец разомкнул губы Аменхотепа золотой

ложечкой и поднес к ним сосуд с лебединым горлышком, на котором красовался иероглиф «возвращение».

Остальные жрецы замерли, с напряжением вглядываясь в лицо фараона: возвращение из Дуата в Мир живых происходило мучительно медленно. Наконец владыка Египта открыл глаза.

– С возвращением, о, мой повелитель! – первым радостно воскликнул Эйе.

Жрецы услужливо помогли фараону покинуть «ритуальное ложе». Когда свет масляных ламп осветил Аменхотепа в полный рост, они замерли в недоумении, быстро сменившимся благоговейным и священным трепетом: фараон «воскрес из мертвых» не в том ритуальном одеянии, в котором был уложен ими в саркофаг, а в ярко-желтом хитоне, характерном для обитателей Иару.

Глава 3

Многочисленные соглядатаи Ранеба донесли ему вскоре, что храма Птаха фараон, как обещал обитателям дворца, так до сих пор и не посетил. Получается, он просто тайно покинул город, а куда именно отправился, никому из них, увы, выяснить не удалось...

Умудренный жизненным опытом культовый служитель тотчас почувствовал приближение опасности. Интуитивно догадался и о том, что фараон решил посетить Саккару, город мертвых. «Неужели для совершения хед-себа?!» – посетила его голову очередная «верная» догадка.

...По окончании священного ритуала фараон поведал Эйе и о том, что видел в Дуате, и о предупреждении Гора-Нармера. Эйе удивился не менее «путешественника»: каким, интересно, образом Апофис, обитатель вод загробного мира, может навредить фараону в земной жизни? Однако, поразмыслив, решил судьбу не искушать, а предпринять на всякий случай какие-нибудь «защитные» меры.

Именно поэтому сразу по прибытии в Инебу-Хедж жрец удалился в храм Осириса и уединился в небольшой комнате, заставленной полками исключительно со священными свитками и текущими записями о собираемых налогах, строго-настрого запретив всем беспокоить его.

Желая предотвратить угрозу, могущую исходить от коварного змея, Эйе быстро изготовил из воска небольшую фигурку демона Апофиса, после чего развел в серебряной чаше огонь и бросил ее туда. Наблюдая, как очистительное пламя пожирает воск, превращая его в бесформенную массу, начал торжественным голосом читать молитву:

– «Приветствую тебя, тварь из воска! Ты, которая уползает во тьму... ты, которая утаскивает своих жертв во тьму и уничтожает их. Ты, живущая за счет слабых и беспомощных! Пусть же ни я, ни фараон Аменхотеп никогда не станем беспомощными пред тобой и никогда не будем повержены тобой! И яд твой никогда не проникнет в члены наши. Я – бог Атум, что находится в передней части Нут (неба)! Меня и фараона защищает сила, которая остается со всеми богами на вечные времена – божественная сила с прародины Та-Урса!»⁴⁶

Закончив читать, Эйе развернул кусок папируса и, окунув кисточку в черную краску, изобразил на нем виньетку, где воин, олицетворявший Аменхотепа, копьем пронзал демона-змея. Аналогичных виньеток жрец нарисовал ровно семь. Лишь после этого он покинул свою каморку и отправился во дворец.

Наведавшись в покои фараона, Эйе, с позволения хозяина, аккуратно развесил свои рисунки по стенам, пообещав, что они будут охранять владыку Египта от ночных посягательств демона.

Как подтвердилось впоследствии, молитвы и виньетки Эйе оказались и впрямь весьма действенными: демон несколько ночей кряду «являлся» к Аменхотепу, но так и не смог завладеть ни его разумом, ни его душой.

Тем временем Ранеб, напротив, решил прибегнуть к помощи демона. Переодевшись горожанином, он теперь ежедневно посещал торговую площадь, где можно было купить все, что угодно, вплоть до змей, которых бесстрашные и ловкие змееловы добывали в бескрайней песчаной пустыне. Именно на покупке змей и сосредоточился Верховный жрец, всякий раз по возвращении в свою обитель во множестве принося их в дар Апофису. Ибо хотя сей демон и имел сам же обличие змея, однако, согласно древним преданиям, более всего предпочитал жертвоприношения именно в виде своих земных сородичей.

⁴⁶ Приблизительный пересказ «Главы о прохождении по уродливой спине Апофиса» из «Книги Мертвых».

Никто из жрецов Египта, в том числе и Ранеб, уже и не помнили, почему именно перед изваянием Апофиса принято было обезглавливать змей: смысл сего ритуала затерялся в глубине веков...

* * *

По прошествии нескольких дней после возвращения из Саккары Аменхотеп собрал государственный совет, умышленно не сообщив об этом Верховному жрецу Ранебу. На совете присутствовали лишь эрпатор, чати Хану, первый и второй советники, главный писарь, хранитель печати, хранитель казны да с десятков важных сановников. Следуя совету мудрого Гора-Нармера, фараон ближе к концу заседания провозгласил:

– Во благо священной земли Та-Кемет считаю необходимым многократно увеличить храмовые подати в казну Инебу-Хеджа!

Ответом Аменхотепу послужила мертвая тишина. Он обвел присутствующих цепким взглядом, но прочесть по выражению лиц царедворцев их тайные мысли так и не смог. Тогда владыка Египта перешел к более решительным действиям – к вопросам в лоб.

– В первую очередь хотелось бы выслушать твое мнение, Мемес! – обратился он непосредственно к первому советнику.

Тот, явно замаявшись, уклончиво промямлил:

– Право, о, солнцеподобный, я затрудняюсь с ответом. Боюсь, сия мера может повлечь недовольство со стороны настоятелей крупных храмов и влиятельных жрецов... Хотя, с другой стороны, государственная казна пустеет с каждым днем...

Резко взмахнув плетью, сжимаемой в левой руке в качестве символа власти, и столь же резко опустив ее, фараон объявил вердикт:

– Я воспринимаю твой ответ как непростительную нерешительность!

– О нет! – с жаром воскликнул хитрый Мемес. – Я просто не договорил, о, солнцеподобный! Конечно же, я полностью разделяю ваше мнение!

Аменхотеп удовлетворенно кивнул: не хватало еще, чтобы первый советник, чья дочь была женой самого эрпатора, осмелился бы ему прилюдно перечить! Подобная дерзость могла бы стоить Мемесу и всему его семейству отлучения от двора.

– А что скажет мне хранитель казны? – обернулся фараон к следующему чиновнику.

Тот почтительно поклонился и веско произнес.

– Всецело поддерживаю, о, солнцеподобный! Более того, осмелюсь даже назвать ваше решение весьма и весьма своевременным! На сегодняшний день, как вы знаете, казна изрядно истощена. И пополняется она, несмотря на все последние волею богов урожайные годы и давно уже царящий на землях Та-Кемет мир, крайне скудно. А содержание войска, маджаев и гвардейцев Мефри требует, позвольте заметить, немалых средств. И это не говоря уже о тратах, вызванных содержанием многочисленных свит божественной царицы Теи, великолепных Сатамон, Бакетамон, эрпатора с Нитоприс и Эхнотепа с его женами...

Очередным взмахом плети фараон дал понять, что на этом хранитель казны может закончить свою речь, и снова обвел пристальным взглядом присутствующих на совете царедворцев...

– Хочу теперь выслушать тебя, Аджеб! – ткнул Аменхотеп плетью в сторону второго советника, пользующегося при дворе влиянием не меньшим, нежели Мемес.

– Считаю сие ваше решение, о, наше солнце, несколько поспешным, ибо оно может повлечь за собой катастрофические последствия, – высказался тот, ни на секунду не замешкавшись с ответом.

– Разве?! – змеевидные брови фараона медленно поползли вверх. – И какая катастрофа, по твоему мнению, соизмерима с пустой государственной казной? Вот если мне не на что

будет содержать армию, тогда нападение на Египет любого, даже самого маломощного врага, может действительно вылиться в катастрофу! Причем для всех нас! Или, может быть, ты, Аджерб, готов выплатить жалование войскам, охраняющим восточные рубежи моего царства от нападения коварных гиксосов⁴⁷, из собственных сбережений? Или ты просто забыл, что когда-то они уже воцарялись на землях Нижнего Египта, причем почти на полтора столетия? А ведь чтобы изгнать их и вернуть Египту былое величие, моему пращур, фараону Яхмосу, пришлось ох как нелегко! – Ноздри Аменхотепа раздувались столь гневно, а глаза сверкали столь грозно, что все присутствующие внутренне съежились от страха.

Аджерб же, дождавшись в речи повелителя короткой паузы и виновато потупившись, упрямо повторил:

– И тем не менее, о солнцеподобный, я считаю ваше сегодняшнее предложение преждевременным...

К безмерному удивлению царедворцев, от недавнего гнева Аменхотепа и следа не осталось. Напротив, он теперь взирал на Аджерба с неподдельным интересом. Сам же в это время думал: «Видимо, Аджерб – из числа сторонников Ранеба. Наверняка давно уже подкуплен Верховным жрецом – иначе отчего бы ему столь рьяно защищать его интересы? Скорее всего именно Аджерб и сообщит Ранебу о всех мнениях, прозвучавших на сегодняшнем совете...»

– Позволь мне высказаться, солнцеподобный! – раздался голос Тутмоса.

Оторвавшись от размышлений, фараон милостиво кивнул.

– Говори, эрпатор.

– Ни для кого не секрет, – поклонившись отцу и присутствующим, начал Тутмос, – что служители храмов обрели в последнее время огромную власть. Уже даже Солнечный Гор, наш фараон, не может считать себя Верховным служителем культа Ра, ибо жрецы фактически лишили его такой возможности. И, думаете, каким образом?! – По залу пробежал ропот. – Я вам отвечу: в сокровищницах храмов хранятся несметные богатства, которые пополнялись столетиями, и жрецы мнят себя теперь равными богам! Более того, именно благодаря этим сокровищам они властвуют над душами египтян, поскольку в случае надобности всегда могут купить их преданность! Я считаю, что в самые кратчайшие сроки следует провести ревизию храмовых земель и все обнаруженные излишки объявить собственностью казны.

Аджерб и несколько сановников переглянулись и явно занервничали: похоже, последние слова эрпатора окончательно вывели их из равновесия. Верный фараону чати Хану, стоя чуть в стороне от остальных, внимательно наблюдал за происходящим в зале и, судя по всему, тоже давно уже определил, кого из чиновников уверенно можно отнести к сторонникам Верховного жреца.

Начавшееся рано утром заседание государственного совета продлилось до полудня, после чего фараон объявил о его окончании и распустил чиновников. Сам же отправил слугу за Эйе.

* * *

Эйе с самого утра пребывал в волнении: чем закончится государственный совет? Примут ли советники и чиновники предложение фараона? Распознает ли повелитель сторонников Ранеба? Не в силах унять нарастающую тревогу и беспокойство, жрец распластался подле священного алтаря, и в тиши храма зазвучала его молитва Осирису о снисхождении и помощи фараону:

– О, великий Осирис, потомок могущественного Ра! О, повелитель царства мертвых! Помоги фараону Аменхотепу! Ибо тебе как никому другому ведомо, что такое предатель-

⁴⁷ Гиксосы – воинствующие племена, пришедшие на землю Египта из Азии.

ство... Не дай предателю Ранебу сохранить и упрочить и без того огромную власть над соотечественниками!..

Слуга фараона, войдя в священный зал и увидев распластавшегося ниц жреца, робко произнес:

– Прости меня за вторжение, о, жрец! Фараон желает видеть тебя...

Эйе встрепенулся, поднял голову и спросил с придыханием:

– Совет завершился?

– Да. Я видел, что все вельможи покинули зал, в котором обычно проходят заседания советов.

– Хорошо, можешь возвращаться во дворец, – сказал жрец, успокаиваясь и поднимаясь с пола. – Передай владыке, что я скоро прибуду к нему.

Юноша невольно ощутил преклонение перед этим сильным и умным человеком. Он был достаточно смышленным пареньком: мало что ускользало от его цепких глаз и чутких ушей. В том числе обрывки фраз, небрежно роняемые на ходу царедворцами: многие из них прочили жрецу Осириса огромную власть в будущем, ибо он пользовался безграничным доверием фараона. Да уже то, сколь ловко Эйе устроил брак своей дочери, красавицы Нефертити, с младшим сыном фараона, наглядно свидетельствовало о его дальновидности, предприимчивости и недюжинных способностях.

Слуга почтительно поклонился жрецу и нехотя покинул прохладу храма, сменившуюся за его стенами душной жарой Инебу-Хеджа.

* * *

Эйе сменил тунику, нацепил сверху массивное золотое ожерелье, застегнул на руках золотые браслеты, усыпанные драгоценностями.

Храм Осириса находился сравнительно недалеко от дворца, но, дабы не проделывать весь путь пешком и не дышать раскаленным воздухом, жрец предпочел оправиться к фараону в паланкине, причем, как и подобает лицам его сана, в окружении небольшой свиты.

Разговоры об обсуждаемых на государственном совете вопросах буквально переполняли уже дворец. Сановники собирались группами по несколько человек и бурно обменивались мнениями. Лишь немногие, напротив, предпочитали хранить молчание и никоим образом не комментировать последние события: кто знает, чья чаша весов перевесит в скором будущем? А за излишнюю разговорчивость можно, как известно, поплатиться не только своим положением при дворе...

Когда в проеме ведущей от дворцовых ворот центральной галереи появился Эйе, царедворцы мгновенно стихли. Сам же он не обратил на них ровно никакого внимания: молча прошествовал мимо с гордым и независимым видом. Стоило, однако, ему скрыться во внутренних дворцовых покоях, как вельможи вновь оживились. Переключившись, правда, уже на другую тему: неужели фараон вызвал Эйе, чтобы в приватном порядке обсудить с ним итоги государственного совета?

Эйе застал фараона восседающим на стуле с высокой резной спинкой за рабочим столом. За спиной его маячили юный нубиец с опахалом и писарь (он же – хранитель печати). При появлении жреца Аменхотеп повелел обоим удалиться, гостю же жестом предложил занять место напротив. Жрец поклонился и неспешно расположился на указанном стуле: высокая спинка показалась ему весьма неудобной.

Неожиданно фараону вспомнились слова жены Теи: «Эйе умен и прозорлив. Думаю, ему можно доверять... Да и Нефертити, эта хрупкая кошечка, похожая на статуэтку из золотистого оникса с алтаря богини Баст, вся в него. Вот увидишь: она еще себя проявит! С лучшей, разумеется, стороны... Ее сестра Мутнеджмет тоже не столь проста, какой кажется

поначалу. Вместе со своим мужем Хоренхебом⁴⁸, Хранителем гардероба нашего младшего сына, они мало говорят, зато внимательно слушают...»

– На сегодняшнем совете было принято решение передать часть храмовых земель казне. А также увеличить размер взимаемых с храмов податей, – без долгих предисловий приступил Аменхотеп к изложению сути дела. – Второй советник Аджерб и несколько менее высокопоставленных сановников недвусмысленно выказали свои опасения по поводу принятого решения. Выражаясь точнее, они явно были настроены против него...

– Что конкретно беспокоит тебя, о Солнечный Гор? – вкрадчиво поинтересовался Эйе. – Решение уже принято, к тому же тебе удалось выявить в своем окружении приспешников Ранеба. Думаю, теперь дело за Хану и Джером: уж они-то найдут для изменников место в темнице...

– О да, благо они того заслуживают. Особенно, на мой взгляд, второй советник Аджерб. Столько лет я доверял ему, а он!.. Жалкое подобие Сета! – Найдя в себе силы сдержать захлестнувший его гнев, фараон продолжил уже спокойнее: – Я хотел обсудить с тобой, Эйе, отнюдь не участь приспешников Ранеба. Меня более беспокоят возможные последствия сегодняшнего решения. Сам знаешь: власть Ранеба над умами и душами египтян слишком велика...

– Но, мой повелитель, мне известно также, что твой дворец надежно охраняется гвардией Мефри и преданными тебе маджаями, – успокоил Аменхотепа жрец.

– В этом я с тобой согласен – Джер умеет подбирать телохранителей...

– Даже если жрецы начнут подстрекать народ к неповиновению, любые волнения можно будет пресечь даже с помощью одних только городских стражников.

– Ранеб, словно ядовитый паук, опутал Инебу-Хедж липкой паутиной лжи и предательства. Его люди – всюду! Не понимаю причины их преданности Верховному жрецу Атума! Неужели уже всем известно об абидосском свитке?...

– Не исключено, что с помощью многочисленных приспешников Ранеб и впрямь усиленно распространяет слухи о своей принадлежности к роду Удиму, предводителя Шемсу-Гор. Однако меня смущает другое: всем известно, что Удиму – не бог! Он всего лишь возглавлял войско божественного Гора и потому считался его правой рукой!

– Я уже отдал приказ тщательно изучить все хранящиеся в дворцовой библиотеке свитки, касающиеся Гора и его наследников. Таковых, увы, оказалось немного. Тем не менее в одном из свитков обнаружилось все-таки упоминание о некоем Удиму, которого божественный Гор считал своим... сыном. Рожденным, правда, от земной женщины, имя которой, естественно, давно уже растворилось в веках...

Слова фараона озадачили жреца. «Неужели в жилах Ранеба и впрямь течет божественная кровь?! – задумался он. – Тогда противостояние фараона и Верховного жреца окажется еще более жестоким, нежели можно было его представить изначально...»

* * *

Приватная беседа фараона и верного жреца была прервана неожиданным визитом Мемеса: первый советник явился с просьбой подписать и скрепить печатью ряд важных государственных бумаг. Эйе скромно удалился, чтобы не мешать.

Фараон подписал бумаги, вновь призванный им хранитель печати скрепил их государственной печатью.

⁴⁸ Впоследствии Хоренхоб достигнет высокого положения при дворе Эхнотепа, Аменхотепа IV. И после его смерти вместе с тестем Эйе будет регентом при малолетнем фараоне Тутанхамоне. А затем и сам даст начало новой, XIX династии.

– Позволь заметить, солнцеподобный, что Эйе не так прост, как кажется, – произнес вдруг вкрадчиво Мемес.

Фараон воззрился на него с удивлением:

– Ты осмеливаешься давать мне советы, даже если я тебя о том не просил?!

Советник, крепко сжимая в руках документы, подобострастно склонился:

– О, мой повелитель, не гневайся! Я никогда не решился бы на подобную дерзость, но, на мой взгляд, ты напрасно приблизил к себе этого жреца... Что, если он тайно служит Ранебу? Что, если даже на брак своей Нефертити с твоим сыном он согласился лишь ради того, чтобы усыпить твою бдительность?

Фараон почувствовал, что из глубины души волнами поднимается ярость. Он уже собирався обрушить ее на Мемеса, как вдруг отчего-то передумал.

– Я хочу остаться один. Мне надо кое над чем поразмыслить, – небрежно бросил он советнику, и тот, беспрестанно кланяясь, поспешил скрыться за дверью кабинета.

* * *

Опасения советника Мемеса по поводу «дружбы» Аменхотепа со жрецом Эйе были отнюдь не беспочвенны: Ранеба и его почти безграничной власти он боялся пуще, чем фараонского гнева. Во всяком случае, до него не единожды уже доходили слухи, сколь жестоко Ранеб расправляется с неугодными ему жрецами. Особенно с теми, что тайно поклоняются новому богу Атону⁴⁹ – воплощению бога Ра в солнечном диске. Из рассказов надежных людей Мемес знал, какому изощренному допросу Ранеб подверг одного из жрецов Амарны, обвиненного им в поклонении культу единого бога Атона – культу, фактически отрицавшему общепринятую энаду египетских богов. Так чего, спрашивается, стоит столь могущественному и жестокому человеку, как Ранеб, усыпить бдительность фараона, «подсунув» ему в качестве мнимого союзника слугителя Осириса Эйе, и обрести тем самым в стане «врага» надежные глаза и уши?...

Ранеб же, аккурат в те самые минуты, когда Солнечный Гор беседовал с Эйе, встретился в тайной храмовой комнате с Аджебом, вторым советником фараона. Выслушав подробный рассказ Аджеба о сегодняшнем заседании государственного совета, Верховный жрец возмутился:

– Почему никто не предупредил меня о совете?! Это неслыханно! Фараон Тутмос, пребывающий ныне в царстве Осириса, никогда не позволял себе подобного пренебрежения по отношению ко мне! А его сын... – Ранеб буквально задышался от душившей его ярости, – а его сын не только не известил меня о дате заседания совета, но еще и решил покуситься на самое святое – на храмы! Разве не известно каждому египтянину с рождения, что храм – это обиталище богов?! А раз так, значит, и имущество храмов принадлежит богам! Аменхотеп – вероотступник!!!

Аджеб вздрогнул, испугавшись, что ситуация в стране теперь в любой момент может выйти из-под контроля, и тогда ненависть Ранеба к фараону и его стремление к единоличной власти обернутся тяжелыми и непредсказуемыми последствиями как для Инебу-Хеджа, так и для всего Египта.

Ранеб не заметил ни страха, ни смятения советника: все его мысли крутились сейчас исключительно вокруг Аменхотепа и выскочки Эйе, ловко втершегося в доверие к фараону благодаря браку их детей.

⁴⁹ Действительно, этот религиозный культ все более укреплялся среди жрецов именно во времена правления Аменхотепа III. Тем самым жрецы считали, что Ра спустился на Землю на золотом солнечном диске, стало быть, диск олицетворяет Ра и высших богов, таких как Атум, также прибывших на Землю с небесной прародины Та-Урсы.

– Что еще нового произошло в Инебу-Хедже? – осведомился он у советника, усилием воли подавляя kloкочущие в душе гнев и ненависть.

– В остальном все по-прежнему, о, господин. Дворцовая жизнь течет преимущественно спокойно и размеренно, – осторожно ответил тот.

– Что ж, придется нарушить явно затянувшееся спокойствие обитателей... – зловеще произнес Ранеб. Затем извлек из навесного резного шкафчика увесистый кожаный мешочек с золотыми дебенами и протянул его собеседнику: – Вот, возьми... На подкуп городских стражников не скупись, но в первую очередь займись Джером, начальником дворцовой стражи...

– Я уже пробовал подкупить его, но, как вы знаете, безуспешно... – начал оправдываться второй советник, принимая мешочек.

– Всякий человек имеет свою цену! – отрезал Ранеб. – Значит, мало предлагал. А теперь оставь меня... Ступай!

Аджеб, отягощенный позвякивающей ношей, торопливо удалился.

Оставшись один, Ранеб погрузился в невеселые мысли: «Фараон явно добивается ограничения власти жрецов. Может, имеет смысл спровоцировать недовольство его действиями простого народа? Как правило, столь веский аргумент всегда оказывал нужное воздействие на власть... Но послужит ли предлогом для народных волнений повышение налогов относительно одних только храмов? Вряд ли... А что, если... Что, если использовать в своих целях глашатая, который будет зачитывать указ фараона на центральной площади города? Уговорить его добавить к тексту указа несколько нужных мне строк, посулив за сию услугу весьма щедрое вознаграждение?...»

– Для начала навещу фараона, – вслух подвел итог своим размышлениям Ранеб. – Постараюсь убедить его отказаться от принятого на совете решения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.